

справедливости, т. е. совмѣстимости многихъ эгоизмовъ. Первое есть законъ благодатнаго царствія Божія на землѣ, второе есть законъ человѣческаго царства или царства природы“ (стр. 22). Говоря о методахъ изученія и изложенія церковнаго права, авторъ настаиваетъ на *самостоятельности* принциповъ церковнаго права и его положительномъ характерѣ, исключаящими возможность объяснять его съ точки зрѣнія чуждыхъ ему принциповъ и теорій, напр. съ точки зрѣнія *государственной права* (какъ это дѣлаютъ протестантскіе канонисты). Мысль, лично намъ симпатичная и, повидимому, вѣрная, плодотворная въ дѣлѣ разработки права православной церкви и мы отъ всей души желали бы привѣтствовать собственные опыты автора въ дѣлѣ ея осуществленія.

Исчерпавъ съ достаточною полнотою предварительныя, вводныя въ науку церковнаго права понятія и установивъ свой взглядъ на ея цѣль, содержаніе и методъ, авторъ представилъ затѣмъ очеркъ положенія науки церковнаго права въ Византіи (до паденія Константинополя) и въ настоящее время въ Россіи и православныхъ славянскихъ земляхъ. Авторъ далъ характеристику системъ и плавовъ русскихъ канонистовъ: Суворова, Альбова, Бердникова, Павлова, Соколова, сербскаго канониста пресвященнаго Никодима Милаша и др. Вообще этотъ первый отдѣлъ обработанъ у автора обстоятельно, полно и законченно.

Второй обширный отдѣлъ „введенія“ (132—672) въ началѣ представляетъ объясненіе общихъ понятій объ *источникахъ права* и объ *источникахъ науки права* и затѣмъ обстоятельныя исagogико-историческія свѣдѣнія о памятникахъ церковнаго и гражданскаго до церкви относящагося законодательства за время отъ начала церкви до паденія Константинополя. Авторъ подраздѣляетъ всю эту матерію на слѣдующія главы: 1-я—памятники церковнаго права въ первые три вѣка христіанства (139—181); глава 2-я—памятники церковнаго права въ періодъ вселенскихъ соборовъ до отдѣленія Римской церкви отъ церкви вселенской (181—394); глава 3-я—памятники церковнаго права въ Константинопольской церкви до паденія Византійской имперіи (394—672).

Въ весьма сжатомъ видѣ глава 1-я излагаетъ ученіе о священномъ Писаніи и о Предавіи, какъ основныхъ источникахъ церковнаго права и за тѣмъ въ такомъ же видѣ—свѣдѣнія о памятникахъ церковнаго права первыхъ трехъ вѣковъ (Апостольскихъ Постановленіяхъ и Апостольскихъ Правилахъ).

Глава 2-я въ сжатомъ видѣ сообщаетъ свѣдѣнія о соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ и правилахъ, изданныхъ ими, а также и изданныхъ нѣкоторыми св. отцами въ отдѣльности; далѣе—свѣдѣнія о государственномъ законодательствѣ до церкви относящемся (законодательства Θεодосія, Юстиніана—императоровъ Исаврійской и Македонской династій). Затѣмъ—безъ указанія внутренней связи и какъ бы посему случайно введены §§ объ употребленіи римскаго права на западѣ и о покаянныхъ номоканонахъ восточныхъ и западныхъ.

Отличительною особенностію этихъ главъ служить—при богатствѣ ихъ содержанія и ученой цитации,—сжатость и обработанность вѣншияго изложенія: здѣсь по преимуществу господствуетъ стиль учебной книги.

Глава 3-я (съ стр. 394 до конца книги) начинается довольно пространномъ трактатомъ историческаго характера о раздѣленіи церквей и о попыткахъ ихъ соединенія (стр. 394—447). Строго говоря этотъ трактатъ не стоитъ во внутренней связи съ исторіей законодательства и обязанъ своимъ появленіемъ, вѣроятно, вѣншнему мотиву—облегчить чтеніе книги читателю, не имѣющему достаточныхъ свѣдѣній по церковной исторіи.—За тѣмъ § 43-й говоритъ *объ условіяхъ* право-образования въ Константинопольской церкви—именно о важномъ значеніи Константинопольскаго патріарха для всего православнаго Востока и значеніи императорской власти въ дѣлахъ церковнаго управленія и въ частности въ церковномъ законодательствѣ (каноническія теоріи, пытавшіяся обособить юридически эти условія, фактически сложившіяся еще ранѣе). Далѣе авторъ сообщаетъ историческія свѣденія о константинопольскихъ соборахъ противъ еретиковъ XI—XIV вв., при чемъ представляетъ въ переводахъ и важнѣйшія догматическія опредѣленія этихъ соборовъ. Принесеніе этого, по существу историческаго элемента, авторъ оправдываетъ тѣмъ, что эти соборы, опровергая и осуждая еретиковъ, въ то же время были охранителями православныхъ догматовъ; ихъ опредѣленія и приговоры заносимы были въ церковные синодики, которые торжественно каждый годъ прочитывались какъ нормы исповѣданія православной вѣры (стр. 514). Слѣдующій за тѣмъ § 45-й перечисляетъ опредѣленія патріаршаго Константинопольскаго синода по разнымъ предметамъ церковнаго управленія за время отъ 885 г. по 1445 г. въ хронологической послѣдовательности съ краткимъ обозначеніемъ содержанія ихъ и указаніемъ (подъ строкою) изда-

ній, въ коихъ можно читать эти опредѣленія; § 46-й представляетъ краткій обзоръ свѣтскаго законодательства и частныхъ юридическихъ сборниковъ за ту же эпоху; § 47-й—безъ связи съ предыдущимъ разсматриваетъ измѣненія въ номоканонѣ Фотія, какимъ онъ подвергся въ эту эпоху; § 48-й—таковыя же измѣненія древняго синопсиса канонровъ; § 49-й—подъ рубрикою: три новыхъ синопсиса — представляетъ характеристику синопсисовъ М. Пселла, Арсенія Монаха и К. Арменопуло; § 50-й--представляетъ перечень византійскихъ канонистовъ отъ X—по XIII вв. подъ рубрикою: отдѣльные каноническіе труды и ихъ авторы (какъ будто предыдущій § разсматривалъ не отдѣльные труды и ихъ авторовъ); § 51-й—представляетъ характеристику толкованій Аристина, § 52-й—Зонары, § 53-й—Вальсамона, § 54-й—характеристику синтагмы М. Властаря.—Книга заканчивается краткимъ заключительнымъ (55) параграфомъ подъ рубрикою: православіе есть отличительный характеръ Восточной церкви.

По богатству научныхъ свѣдѣній и содержанія эта глава не только не уступаетъ предыдущимъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ ихъ; но она уступаетъ имъ во внѣшней обработкѣ матеріала и въ расположеніи его. Такъ нѣкоторые §§ помѣщены здѣсь рядомъ безъ видимой по крайней мѣрѣ связи, такъ что авторъ принужденъ былъ начинать новый параграфъ шаблонною фразою: „что касается до“... (стр. 550), или: „перейдемъ теперь къ“... (стр. 594): касаться можно, разумѣется, до чего угодно и переходить къ чему угодно. Самое расположение параграфовъ случайно и можетъ быть оправдано развѣ только хронологической послѣдовательностію авторовъ, о которыхъ говорятъ параграфы, да и самое распредѣленіе матерій по отдѣльнымъ параграфамъ сдѣлано не вполне удачно. Такъ §§ 48 и 49 было бы лучше свести въ одинъ параграфъ, а затѣмъ и все эти §§ съ 47-го по 54-й объединить бы подъ одну общую рубрику: „разработка каноническаго права частными лицами“. Въ этой же главѣ авторъ не гарантировалъ себя и отъ болѣе важнаго упрека—*въ недостатокъ опредѣленнаго основанія* для выбора изъ массы историческаго матеріала элементовъ, которые онъ почитаетъ *источниками права* и въ недостатокъ правильной канонической оцѣнки этихъ элементовъ. Такъ, перечисляя опредѣленія патріаршихъ синодовъ за время отъ IX по XV вв., авторъ не дѣлаетъ никакого различія между въ собственномъ смыслѣ *законодательными* опредѣленіями, имѣвшими общее и весьма продолжительное

значение источниковъ права, и простыми административными распоряженіями, или судебными рѣшеніями по совершенно частнымъ случаямъ. Таковы напр.: „разрѣшеніе пустынно-жительство св. Христоудулу (стр. 520); постановленіе о клирикѣ Калсоримѣ, отлученномъ Филиппольскимъ митрополитомъ (стр. 521); опредѣленіе о преданіи огню житія св. Параскевы, написаннаго неискусно и недостойно ея ангельской жизни (тамъ же); опредѣленіе о разводѣ трубача Василиска, принявшаго крещеніе, съ его женою, несогласившеюся принять оное (тамъ же); опредѣленіе, воспрещающее безобразный празникъ нотаріевъ (стр. 522); опредѣленіе объ оставленіи безъ послѣдствій просьбы епископа Аквилейскаго, насильственно постриженнаго по принужденію свѣтской власти (тамъ же); опредѣленіе о разрѣшеніи ѣсть мясо одному благородному человѣку (тамъ же); опредѣленіе о томъ, что нельзя принять отреченія епископа Θεодула, не считающаго себя достойнымъ священнодѣйствовать (стр. 524). Въ самомъ началѣ перечня опредѣлений патріаршаго синода — *какъ источниковъ права* рядомъ съ знаменитымъ законодательнымъ актомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *τὸνος ἐνόσεως* помѣщается: „дозволеніе *Θεοφιλαкта* (934—956) праздновать языческія рождественскія святки съ переряживаніемъ въ личины на праздникахъ Рождества Христова и Крещенія *въ самой Софійской церкви*, упоминаемое Вальсамономъ на основаніи Скилицы“ (стр. 517). Спрашивается: для кого и для *какого права* можетъ служить *источникомъ* это безумное дозволеніе, если только дѣйствительно таковое было дано? Полагаемъ, что почтенному автору слѣдовало тщательно разобраться въ опредѣленіяхъ Константинопольскихъ синодовъ и со всею ясностію выдѣлать изъ нихъ въ собственномъ смыслѣ *законодательныя* опредѣленія.

Изложивъ весьма полно исторію Константинопольскихъ соборовъ, занимавшихся *доматическими* опредѣленіями (стр. 463—515), авторъ удѣлялъ лишь 5 страницъ обзорноію государственнаго законодательства этой эпохи (533—537 стр.), ограничившійся перечисленіемъ именъ императоровъ—законодателей и указаніемъ изданій, въ коихъ можно читать это законодательство. Такая же несправедливая неравномѣрность вниманія автора замѣчается въ отношеніи его къ частнымъ *каноническимъ* и *юридическимъ* трудамъ этой эпохи. Авторъ весьма подробно сообщаетъ свѣдѣнія и характеристики каноническаго синописа и толкованій Зонары, Вальсамона и Аристина, между тѣмъ относительно сборниковъ

гражданскаго права, каковы: эклоги, эпанагоги, прохиронъ, синопсисы, Василики и проч., ограничивается лишь самыми общими свѣдѣніями, удѣляя этой юридической литературѣ всего 11—12 страницъ (537—549). Полагаемъ, что въ правѣ сдѣлать нашему автору этотъ упрекъ на слѣдующемъ основаніи: труды вышеназванныхъ канонистовъ въ русской литературѣ за недавнее время нашли себѣ нѣсколько весьма основательныхъ монографій, и авторъ въ виду этого могъ бы весьма удобно ограничиться болѣе краткою характеристикою этихъ трудовъ; между тѣмъ названные юридическіе сборники средневѣковаго гражданскаго византійскаго права доселѣ не нашли еще себѣ специальныхъ монографій въ русской литературѣ. Оправданіемъ для автора не можетъ служить то, что они—сборники гражданскаго права: ибо во 1-хъ, въ нихъ, какъ напр. въ эпанагогѣ есть спеціальныя титулы относительно церковныхъ учрежденій и лицъ (патріарха, епископа, благотворительныхъ учрежденій и пр.), во 2-хъ церковь въ теченіе многихъ вѣковъ (греческая и русская) имѣла подъ свою юрисдикцію многіе гражданскіе предметы гражданскаго права, въ этихъ сборникахъ регламентированные.

Почитая своимъ долгомъ высказать эти замѣчанія, мы вовсе не имѣемъ въ виду сказать, что вслѣдствіе указываемыхъ недостатковъ обширная часть труда автора (3-я глава) въ ея настоящемъ видѣ теряетъ свою научную цѣнность: послѣдняя за нею остается. Авторъ и здѣсь сдѣлалъ значительный вкладъ въ сокровищницу отечественной канонической науки: и здѣсь есть почтенная заслуга автора и—ничего, его компрометирующаго. Но эта заслуга была бы еще болѣе цѣнна, если бы авторъ гарантировалъ себя отъ сдѣланныхъ ему нами замѣчаній.

Принимая во вниманіе грандіозныя размѣры задуманнаго авторомъ труда и имѣя въ виду въ подлежащей обширной книгѣ выполненіе важной его части, въ которой обнаружены обширная эрудиція, талантливое (въ научномъ смыслѣ) изложеніе и никакихъ грубыхъ погрѣшностей, признаю книгу автора значительнымъ вкладомъ въ науку каноническаго права и почитаю автора ея заслуживающимъ искомой имъ ученой степени доктора каноническаго права“.

Справка: 1) По § 142 устава духовныхъ академій „степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертаціи или сочиненія,

хотя бы и написаннаго не съ цѣлю получения ученой степени". 2) Профессоръ М. А. Остроумовъ получилъ степень магистра богословія въ Московской Академіи въ 1887 году. 3) По § 81 лит. в. п. 6 того же устава удостоеніе степени доктора значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго Университета, магистра богословія, Миханла А. Остроумова въ степени доктора церковнаго права. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертациі профессора М. А. Остроумова и копиі съ отзывомъ о ней ординарнаго профессора А. П. Лебедева и доцента Н. А. Заозерскаго.

V. Прошеніе кандидата Академіи Владиміра Троицкаго о выдачѣ ему на трехмѣсячный срокъ его кандидатскаго сочиненія.

Опредѣлили: Выдать просителю его кандидатское сочиненіе на испрашиваемый срокъ.

VI. Прошеніе экстраординарнаго профессора Василия А. Соколова:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уволить меня изъ числа членовъ комиссіи для пріема студенческихъ сочиненій“.

Опредѣлили: Профессора В. А. Соколова уволить изъ числа членовъ комиссіи для пріема студенческихъ сочиненій, а на мѣсто его назначить экстраординарнаго профессора Александра Д. Бѣляева.

VII. Отношеніе правленія Тобольской духовной Семинаріи отъ 15 февраля сего года за № 75:

„Правленіе Тобольской духовной Семинаріи честь имѣетъ принести Московской духовной Академіи глубокую и искреннюю благодарность за участіе въ празднованіи Семинаріею 21 сентября 1893 г. своего 150 лѣтняго юбилея, выразившееся въ присылкѣ глубокожелательнаго привѣтствія. При семъ правленіе семинаріи долгомъ считаетъ препроводить въ Московскую духовную Академію брошюру: „Описаніе празднованія 150-лѣтняго юбилея Тобольской духовной Семинаріи“.

Опредѣлили: Присланную брошюру сдать въ фундаментальную бібліотеку, а прочее принять къ свѣдѣнію.

VIII. Записки профессоровъ П. И. Казанскаго и Г. А. Воскре-

сенскаго о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ приобрести для академической библіотеки.

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи Н. А. Колосову выписать для академической библіотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

IX. Донесеніе экстраординарнаго профессора Академіи Н. Θ. Каптерева и и. д. доцента С. С. Глаголева, производившихъ ревизію академической библіотеки и церковно-археологическаго музея, находящагося при Академіи:

„Исполняя возложенное на насъ Совѣтомъ Академіи порученіе и руководясь 54-мъ параграфомъ инструкціи библіотекарю, мы произвели ревизію академической библіотеки и церковно-археологическаго музея и о результатахъ этой ревизіи имѣемъ честь донести Совѣту Академіи слѣдующее:

„Наличный составъ библіотеки мы нашли въ цѣлости и въ должномъ порядкѣ. Вновь поступившія пріобрѣтенія своевременно занесены въ библіотечные каталоги: инвентарный, топографическій и алфавитный. Всѣ рукописи и книги, взятыя преподавателями и студентами, аккуратно записаны. Систематическій каталогъ библіотеки продолжается составленіемъ и (насколько позволяютъ средства) печатаніемъ.

„Кромѣ исполненія текущихъ дѣлъ по библіотекѣ, завѣдывающіе ею несли немало и особыхъ трудовъ. Такъ библіотекаръ, кромѣ составленія систематическаго каталога, составилъ и напечаталъ каталогъ книгъ, поступившихъ въ академическую библіотеку въ 189²/₃ учебномъ году. Каталогъ этотъ составляетъ книжку въ 10¹/₂ печатныхъ листовъ. Новому помощнику библіотекаря, г. Писаревскому, пришлось понести очень много тяжелаго труда по приведенію въ надлежащій порядокъ нижняго отдѣленія библіотеки, (находящагося обыкновенно въ ближайшемъ завѣдываніи помощника библіотекаря), для чего ему приходилось заниматься въ библіотекѣ почти каждый девъ во все лѣтнее каникулярное время.

„Много труда приходилось и приходится нести завѣдующимъ библіотекою при введеніи новой, такъ называемой, карточной системы записи выдаваемыхъ книгъ, введенной въ библіотекѣ на основаніи постановленія Совѣта Академіи. Система эта состоитъ въ томъ, что на мѣсто выдаваемой книги ставится карточка, на которой пишется № и названіе книги и фамилія взявшаго ее

лица. Система эта общаетъ въ будущемъ большія и неоспоримыя удобства какъ для студентовъ, такъ и для самихъ завѣдующихъ библіотекою, но введеніе ея потребовало много труда, терпѣнія и внимательности, такъ какъ требовалось не только приготовить карточки, но и внимательно слѣдить за отмѣтками на нихъ при всякой выдачѣ и сдачѣ книгъ,—всякая неточность, а тѣмъ болѣе ошибка въ отмѣткахъ на карточкахъ, можетъ вызвать понятную путаницу. Остается пожелать, чтобы какъ можно скорѣе были переписаны на карточки и тѣ книги, которыя записаны въ справочныхъ книгахъ, тѣмъ болѣе что справочныя книги отъ постоянного употребленія сильно обветшали и скоро, вѣроятно, окончательно откажутся служить. Требовать этой работы отъ служащихъ въ библіотекѣ, конечно, невозможно, для этого необходимо приспособить особое лицо или даже нѣсколько лицъ, только тогда это дѣло можетъ быть съ успѣхомъ выполнено въ сравнительно короткое время.

„Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе Совѣта Академіи на крайнюю недостаточность шкафовъ въ библіотекѣ. Вслѣдствіе тѣсноты книги въ библіотекѣ нерѣдко поставлены въ два ряда, а въ многотомныхъ изданіяхъ ставится впереди лишь одинъ томъ, а остальные уже занимаютъ мѣсто въ заднемъ, т. е. невидномъ ряду. Кромѣ того, многіе шкафы совершенно разохлись и дверцы ихъ раздвигаются лишь при большихъ усиліяхъ, что очень затрудняетъ правильную разстановку и пріискиваніе книгъ.

„Рядомъ съ пріемнымъ заломъ теперь устроенъ читальный залъ, для образованія котораго часть книгъ перенесена внизъ, въ оставшуюся доселѣ свободною комнату.

„Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать Совѣту Академіи на усердіе и аккуратность въ веденіи дѣлъ г. Библіотекаремъ, и на особенное усердіе его Помощника, приведшаго лѣтомъ въ порядокъ всю нижнюю библіотеку.

„Церковно-археологическій музей, находящійся въ вѣдѣніи доцента по кафедрѣ церковной археологии и литургіи А. П. Голубцова, содержится въ прекрасномъ и образцовомъ порядкѣ. Г. Голубцовъ, безмездно трудящійся надъ дѣломъ устройства музея, относится съ глубокой любовью и серьезнымъ вниманіемъ къ этому дѣлу. Достопримѣчательности музея тщательно распределены, и каждая вещь снабжена надписью и печатнымъ номеромъ. Не всегда легко, или вѣрнѣе — рѣдко бываетъ легко опредѣлить эпоху и значеніе археологическихъ находокъ, и г. Голубцову приходится

много работать надъ такимъ опредѣленіемъ предметовъ, поступающихъ въ музей. Старыя миниатюрныя изображенія, полуистертыя мелкія надписи оказывается возможнымъ разбирать лишь вооруженнымъ глазомъ. Въ настоящее время г. Голубцовъ составляетъ подробный каталогъ предметовъ, находящихся въ музеѣ. Безмездный трудъ г. Голубцова, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ особаго поощренія отъ Совѣта Академіи.

Опредѣлили: О всѣхъ нуждахъ Библиотеки въ хозяйственномъ отношеніи сообщить Правленію Академіи для надлежащихъ распоряженій. 2) Выразить благодарность завѣдующему церковно-археологическимъ музеемъ доценту А. П. Голубцову, библиотечарю Н. А. Колосову и его помощнику П. Н. Писаревскому за ихъ отлично-усердные труды.

Х. Донесеніе библиотечаря Академіи Н. А. Колосова:

„Честь имѣю донести Совѣту Академіи о слѣдующихъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ библиотечу:

1) Отъ Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго— „Слова и Рѣчи“, говоренныя имъ въ разное время.

2) Отъ преосвященнаго Николая, Епископа Алеутскаго— „The World's Parliament of religions... the Columbian Exposition of 1894. voll. 2.

3) Отъ преосвященнаго Дмитрія, Епископа Подольскаго — „Мѣсяцесловъ святыхъ, чтимыхъ всею русскою церковію или мѣстно „вып. 2-й (Октябрь).

4). Отъ гг. профессоровъ Академіи: 1) „Русскій Архивъ“ 1893 кн. 8; 2) Русская Старица“ 1885 г. кн. 1—7, 9—12; 1886 г. кн. 1, 4—12; 1887, кн. 1—4; 1889 кн. 1—12; 1890 кн. 1—12; 1891 г. кн. 1—6, 8—12; 1892 г. кн. 1—8, 10—12; 1893 г. кн. 1—5, 7—11; 3) „Историческій Вѣстникъ“ 1887 г. кн. 1—6; 11 и 12; 1888 г. кн. 1—7, 11 и 12; 1889 г. кн. 1—12; 1890 г. кн. 1—12; 1891 г. кн. 1—6, 11 и 12; 1892 г. кн. 1, 2, 4—12; 1893 г. кн. 1—7, 10; 4) „Русскій Вѣстникъ“ 1888 г. кн. 1, 2, 4, 6—12; 1889 г. 1, 2, 4—6, 8—12; 1890 г. кн. 3—5, 8; 1891 г. кн. 6—7; 1892 г. кн. 11; 1893 г. кн. 1—4, 7—9; 5). „Русское Обзорѣніе“ 1893 г. кн. 5 и 6; 6) „Вѣстникъ Европы“ 1893 г. 1—10; 7) „Русская Мысль“ 1892 г. кн. 8—12; 1893 г. кн. 1—9 и 8) „Сборникъ Нивы“ 1891 г. кн. 1—3, 10—12; 1892 г. кн. 1—6, 10—12; 1893 г. 9—11.

5) Отъ профессора Академіи Алексѣя Петровича Лебедева—1) его брошюра: „Русскій византистъ на служеніи церковно-истори-

ческой наукѣ“ и 2) Damberger „Synchronistische Geschichte d. Kirche und d. Welt im Mittelalter“ voll. 2.

6) Отъ профессора Академіи Ивана Николаевича Корсунскаго—его книга: „Святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій, его жизнь и дѣятельность на Московской кафедрѣ“.

7) Отъ доцента Академіи Алексѣя Ивановича Введенскаго—его книга: „Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи“ 2 экзempl.

8) Отъ православнаго Палестинскаго Общества: 1) „Сообщенія Общества, декабрь и 2) „Палестинскій Патерикъ“ вып. 4-й.

9) Отъ Общества Исторіи и древностей російскихъ „Чтенія“ въ семь Обществѣ 1894 г. кн. 1 и 2-я.

10) Отъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и географіи при Московскомъ университетѣ—1) Congrès internationale de Zoologie à Moscou“ р. 2 и 2) „Congrès internationalaux d' Antropologie“, р. 2.

11) Отъ забайкальскаго миссіонера архимандрита Димитрія—его сочиненія 1) „Краткій очеркъ исторіи русской Церкви“ и 2) „Краткій очеркъ исторіи Христіанской Церкви“.

12) Отъ П. П. Дружинина—книга: „Житіе и жизнь благовѣрныхъ великія княжны Евфросиніи Суздальскія“.

13) Отъ С. А. Бѣлокурова—его сочиненія и изданія: 1) „Списки дипломатическихъ лицъ русскихъ за границей и иностранныхъ при русскомъ дворѣ“, 2) Арсеній Сухановъ“ ч. II: сочиненія Арсенія Суханова“, вып. 1-й и 3) „Преподобный Сергій и Троице-Сергіева Лавра въ русской литературѣ“.

14) Отъ бібліотекаря Казанской Духовной Академіи г. Троицкаго—его сочиненіе: «Апостолъ языковъ Павелъ и Апостолы обрѣзанія въ ихъ отношеніи другъ къ другу въ жизни и ученіи» 2 экзempl.

15) Отъ свящ. В. Ф. Остроухова—его сочиненіе: «Московское Лазарево кладбище».

16) Отъ П. П. Борисовскаго—его брошюра: Безкорыстіе и чистота христіанской нравственности».

Опредѣлили: Благодарить жертвователей.

XI. Прошеніе на имя о. Ректора Академіи бывшаго студента 3-го курса С.-Петербургской духовной Академіи Александра Воскресенскаго:

«Желая закончить свое высшее богословское образованіе, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреподобіе принять меня

въ число студентовъ 3-го курса ввѣренной Вамъ Академіи. Къ сему честь имѣю присовокупить, что третій академическій курсъ былъ прослушанъ мною въ С.-Петербургѣ до конца, три семестровыхъ сочиненія и проповѣдь своевременно представлены тамъ-же».

Справка: По § 81 лит. б п. 1 устава духовныхъ академій зачисленіе въ студенты академіи значится въ числѣ дѣлъ Совѣта академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Благопочтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять бывшаго студента III курса С.-Петербургской Академіи Александра Воскресенскаго въ число студентовъ того же курса Московской Академіи.

XII. Заявленіе Секретаря Совѣта М. К. Казанскаго о томъ, что въ настоящее время освободилась казенная стипендія въ 220 руб., послѣ студента 2-го курса Николая Ѳедоровскаго, умершаго въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года.

Справка: По заявленію о. Ректора Академіи, казенной стипендіи по успѣхамъ, поведенію и матеріальному положенію заслуживаетъ болѣе другихъ студентовъ 2 го курса Василій Яновскій пользующійся стипендіей Московской каведры въ 110 руб., а послѣдней—своекоштный студентъ того же курса Дмитрій Цитовичъ.

Опредѣлили: Освободившуюся послѣ студента П. Ѳедоровскаго казенную стипендію предоставить студенту Василю Яновскому, а стипендію Московской каведры—студенту Дмитрію Цитовичу.

XIII. Разсуждали о назначеніи премій изъ процентовъ съ капитала, поступившаго по завѣщанію покойнаго митрополита Московскаго Макарія, за лучшія сочиненія наставниковъ Академіи и лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта Академіи имѣются двѣ преміи; а) одна въ 500 рублей—за лучшія сочиненія наставниковъ Академіи и б) одна—въ 300 рублей—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи. 2) Въ собраніи Совѣта Академіи 28 января текущаго года на сонсканіе преміи въ 500 р. представлены были сочиненія: а) экстраординарнаго профессора В. Ѳ. Кипарисова: «Митрополитъ Московскій Макарій, какъ проповѣдникъ». Стр. 1—229. Сергіевъ Посады. 1893. и б) доцента А. И. Введенскаго: «Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи». На сонсканіи преміи въ 300 р.

имѣлись въ виду магистерскія сочиненія священниковъ: Николая Ильинскаго и Дмитрія Глаголева, Николая Виноградова, Николая Попова и Дмитрія Наумова. 3) §§ 2, 3 и 4 утвержденного Святѣйшимъ Синодомъ положенія о преміяхъ покойнаго Митрополита Московскаго Макарія: «Первой преміи удостоиваются сочиненія, составляющія значительное приобрѣтеніе или для науки вообще, или по крайней мѣрѣ для русской научной литературы, которыя могутъ быть или оригинальными изслѣдованіями, или переводами, если только для перевода избраны сочиненія важныя для науки и не малыя по объему, преимущественно сочиненія, написанныя на древнихъ языкахъ.

„Въ случаѣ, если въ какомъ нибудь году не окажется сочиненія, вполне удовлетворяющаго указаннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, премія въ 500 руб. можетъ быть раздѣлена на двѣ—по 250 руб., которыя выдаются также за печатные труды, имѣющіе значительное научное достоинство, по менѣе капитальное. Второй преміи (въ 300 руб.) удостоиваются лучшія изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, если эта степень получена съ Московской Духовной Академіи, и если авторъ сочиненія окончилъ курсъ въ сей же Академіи“. 4) Того же положенія § 13: „въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта Академіи происходитъ обсужденіе достоинствъ представленныхъ на преміи сочиненій и присужденіе самыхъ премій“. 5) Того же положенія § 15: „въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ премію“.

Опредѣлили: 1) Премію въ 500 рублей раздѣлить на двѣ, изъ коихъ одну назначить экстра-ординарному профессору В. О. Кипарисову, а другую — доценту А. И. Введенскому. 2) Премію въ 300 р. за лучшія магистерскія сочиненія отложить до слѣдующаго года. 3) Постановленіе, на основаніи § 16 утвержденного Святѣйшимъ Синодомъ положенія о преміяхъ, благопочтительнѣйше представить на Архинеастьерское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XIV. По случаю приближающагося окончанія учебнаго года разсуждали о вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LIII) академическаго курса и о назначеніи предметовъ повѣрочнаго испытанія.

Справка: 1) § 109 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ академіи предъ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько изъ каждой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ

воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляеть, въ опредѣленномъ по § 81 порядкѣ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ Академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ академію для желающихъ поступить въ оную“ 2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ отъ 4 мая—3 июня 1887-го г. для каждаго курса академіи положено по 30 казенныхъ вакансій. 3) По § 81 лит. а. п. 1 устава духовныхъ академій назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при приѣмѣ въ студенты академіи относится къ дѣламъ Совѣта академіи, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ.

Опредѣлили: 1) Въ составъ новаго академическаго курса вызвать на казенный счетъ изъ семинарій: Московской, Владимірской, Костромской, Рязанской и Ярославской—по 2 воспитанника изъ каждой; изъ Виѣанской, Нижегородской, Вологодской; Одесской, Тамбовской, Тульской, Орловской, Калужской, Смоленской и Холмской по 1 воспитаннику изъ каждой—всего 20 воспитанниковъ, а остальные 10 вакансій предоставить волонтерамъ. 2) Предназначеніе сіе представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе Св. Синода. 3) Объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ академію для желающихъ поступить въ оную напечатать объявленія въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, издаваемыхъ при Св. Синодѣ. 4) Устныя испытанія произвести въ началѣ будущаго учебнаго года по основному богословію, начальнымъ основаніямъ и краткой исторіи философіи, греческому языку и одному изъ новыхъ языковъ по выбору экзаменующихся; для письменныхъ упражненій назначить два сочиненія по богословскимъ предметамъ и одно—философско-литературнаго характера.

XV. Въ виду множества желающихъ поступить въ студенты Академіи и трудности избрать достойнѣйшихъ изъ нихъ разсуждали о мѣрахъ къ наиболѣе точной оцѣнкѣ приѣмныхъ экспромптовъ.

Опредѣлили: 1) Поручить чтеніе и оцѣнку приѣмныхъ экспромптовъ не одному, какъ дѣлалось доселѣ, а двумъ наставникамъ, а именно—наставнику той науки, по которой дана тема, и члену Совѣта, по назначенію сего послѣдняго. 2) Отмѣтки цифрами, поставленныя на экспромптѣ тѣмъ и другимъ изъ вышеуказанныхъ лицъ, должны имѣть равное значеніе; изъ поставленныхъ отмѣтокъ обычнымъ порядкомъ долженъ выводиться средній баллъ, который и принимается во вниманіе при оцѣнкѣ способностей и научной зрѣлости ищущихъ поступленія въ Академію.

XVI. Имѣя въ виду извѣстность, какую приобрѣли отличными по своимъ достоинствамъ учеными трудами Высокопреосвященный Савва, Архіепископъ Тверскій и Преосвященный Виссаріонъ, Епископъ Костромскій, разсуждали о возведеніи ихъ въ степень доктора.

Справка: По § 143 устава духовныхъ академій, „лица, приобрѣтшія извѣстность отличными по своимъ достоинствамъ учеными трудами, возводятся въ степень доктора безъ испытанія“.

Опредѣлили: Составить двѣ коммисіи: а) изъ орд. проф. Е. Е. Голубинскаго, экстра-орд. профессоровъ Г. А. Воскресенскаго, И. Н. Корсунскаго и доцента А. П. Голубцова и б) изъ о. Ректора академіи, орд. проф. М. Д. Муретова, эк.-орд. профессоровъ П. И. Горскаго и А. П. Смирнова. и поручить первой представить въ Совѣтъ подробный письменный отзывъ объ ученыхъ трудахъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Саввы, а второй—о таковыхъ же трудахъ Преосвященнаго Епископа Виссаріона.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Апр. 10. Съ поставленіемъ по статьѣ четвертой согласенъ; прочее утверждается“.

7-го Апрѣля 1894 года.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ ректора Академіи, архимандрита Антонія, и. д. инспектора іеромонахъ Сергій и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ Н. И. Субботина, не присутствовавшаго по болѣзни и В. А. Соколова не присутствовавшаго по семейнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: I, а) Отношеніе Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 24 Марта сего года за № 1679: „Въ отношеніи отъ 3 минувшаго Февраля за № 655 было сообщено Совѣту Московскій духовной Академіи объ опредѣленіи кандидата оной Павла Тихомирова на должность преподавателя по греческому языку въ Витебскую духовную Семинарію. Нынѣ Тихомировъ, въ виду избранія его Совѣтомъ сей Академіи профессорскимъ стипендіатомъ, уволенъ Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 18 текущаго Марта отъ даннаго ему назначенія на службу въ Витебскую духовную Семинарію и на его мѣсто въ означенную Семинарію того же числа опредѣленъ кандидатъ той же Московской духовной Академіи Василій Пекрасовъ. Канцелярія Оберъ-

Прокурора долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для надлежащаго свѣдѣнія и зависящаго распоряженія, при совокупляя, что объ ассигнованіи слѣдующихъ кандидату Некрасову, по положенію, денегъ сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ“.

Справка: По распоряженію о. ректора Академіи В. Некрасову сообщено о назначеніи его на должность преподавателя въ Витебскую духовную Семинарію.

б) Отношенія: Смоленской духовной Консисторіи отъ 14 Марта за № 2659 и Правленія Харьковской духовной Семинаріи отъ 21 Марта за № 265 съ увѣдомленіемъ о полученіи документовъ кандидатовъ Академіи Ивана Орловскаго и Константина Сильченкова.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Вѣдомость о. ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками лекціяхъ въ Мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ коей видно, что а) орд. проф. П. И. Цвѣтковъ опустилъ 4 лекціи, орд. проф.: Н. И. Субботинъ, Е. Е. Голубинскій, экстр.-орд. проф. И. Н. Корсунскій, доц. А. П. Шостыинъ, А. И. Введевскій, и. д. доц.: И. В. Поповъ и А. А. Спасскій—по 2 лекціи по болѣзни; б) э.-орд. проф. П. И. Горскій опустилъ 4 лекціи и э.-орд. проф. А. Д. Бѣляевъ—2 лекціи—вслѣдствіе исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ окружномъ судѣ.

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта Академіи.

III. Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Академіи С. С. Глаголева по заглавіемъ: „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго“, представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) О. ректора Академіи.

„Означенное сочиненіе представляетъ собою пеработку кандидатской диссертациі автора и свидѣтельствуетъ о пятилѣтнихъ трудахъ его по изученію даннаго предмета. Предназначеніе изслѣдованія автора—полемическое противъ Дарвина. Труды, получающіе подобное назначеніе, имѣютъ характеръ или по преимуществу философскіи—критическій, обращенный противъ самаго метода эволюціонной теоріи, или по преимуществу—естественно научный, фактическій, при чемъ опроверженію подвергаются не обобщенія дарвинистовъ только, но преимущественно фактическіе доводы, приводимые ими изъ самыхъ разнообразныхъ областей зна-

ніа; сверхъ того полемистами этого типа указываются новыя многочисленныя факты, направляющіе мысль на выводы, противоположныя дарвинизму. Разсматриваемое сочиненіе всецѣло принадлежитъ ко второй группѣ и принимаетъ на себя все выгодныя и невыгодныя свойства этой послѣдней. Въ 17-ти главахъ своей огромной диссертациі авторъ погружается то въ область геологическую, зоологическую и антропологическую, то физиологическую и анатомическую, то археологическую и историческую, то наконецъ, чисто богословскую, экзегетическую. Естественно, что для него не явилось возможности оказаться самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ столькихъ спеціальностяхъ и онъ былъ принужденъ заимствовать цѣлыя отдѣлы у лучшихъ изслѣдователей въ каждой области, чего впрочемъ авторъ и не скрываетъ. Правда, эти заимствованія не имѣютъ чисто внѣшняго, пассивнаго характера, напротивъ авторъ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ очень остроумно противопоставляетъ доводы и выводы однихъ дарвинистовъ другимъ послѣдователямъ того же ученія:—но все же подобнаго рода литературный музей, не смотря на крѣпкую мысль автора, не могъ обойтись безъ нѣкоторыхъ ущербовъ по отношенію къ послѣдовательности и внутреннему единству изложенія, т. е. безъ повтореній и недомолвокъ.—Нельзя также не поставить въ вину автору и того обстоятельства, что онъ не потрудился самого-то читателя ввести въ литературу предмета, т. е. не далъ краткой, но обстоятельной исторіи дарвинизма и оставилъ насъ въ полномъ недоумѣніи, почему по тому и иному вопросу онъ излагаетъ именно этого, а не другаго ученаго,—какъ именно относятся дарвинисты къ тѣмъ или инымъ противопоставленнымъ ихъ системѣ фактамъ, по видимому столь яснымъ и убѣдительнымъ и т. п. Не найдетъ читатель у автора почти ни одной ссылки на знаменитаго отечественнаго полемиста противъ Дарвина — Данилевскаго, но зато натолкнется на нѣсколько подробныхъ разъясненій по вопросамъ столь же полно и обстоятельно изложеннымъ въ русскихъ академическихъ трудахъ профессорами Петербургской академіи—Рождественскимъ и Предтеченскимъ (Христіанское Чтеніе).—Впрочемъ и сдѣланнаго авторомъ вполне достаточно, чтобы непредубѣжденный читатель могъ усмотрѣть, что ученіе о родствѣ между человѣкомъ и обезьяной основывается и поддерживается не фактами и законами мысли, а матеріалистическими предубѣжденіями эпохи. Отрадное впечатлѣніе производитъ и то обстоятельство, что мысль автора направлена очень твердо

и совершенно чужда того неодобрительнаго преклоненія предъ самозванными авторитетами ложнаго естествовѣденія, въ коемъ къ сожалѣнью повинны столь многіе апологеты религіи, особенно изъ протестантовъ. Авторъ затѣмъ имѣетъ предъ большинствомъ изъ нихъ и то преимущество, что основанія всѣхъ перечисленныхъ выше естественныхъ наукъ ему извѣстны по собственнымъ его трудамъ и занятіямъ въ Московскомъ университетѣ, а потому онъ не побѣждается никакимъ голословнымъ утвержденіемъ дарвинистовъ, хотя бы и по самымъ специальнымъ предметамъ; надо впрочемъ при этомъ упрекнуть автора и за то, что онъ требуетъ и отъ читателя почти подобныхъ же познаній, употребляя безъ разъясненій многіе непонятные для насъ термины. Съ ученіемъ Православной Церкви его разсужденія вполнѣ согласны и тонъ рѣчи его вполнѣ достойный профессора духовной академіи. Признаю диссертацию заслуживающею автору степени магистра богословія“.

б) экстра-ординарнаго профессора А. Д. Бѣляева:

„Обширное сочиненіе г. Глаголева содержитъ въ себѣ введеніе, двѣ части изслѣдованія, изъ коихъ первая распадается на два отдѣла, и заключеніе. Во введеніи авторъ даетъ краткій очеркъ ученій о происхожденіи человѣка, указываетъ на противорѣчіе дарвинизма или эволюціонной гипотезы библейскому ученію, опредѣляетъ, какова должна быть точка зрѣнія на эту гипотезу христіанина и богослова, разъясняетъ, что такъ какъ дарвинизмъ съ вопросомъ о происхожденіи человѣка сливается ученіе о первобытномъ состояніи человѣческаго рода, то онъ свою тему о происхожденіи человѣка расширилъ изслѣдованіемъ о первобытномъ состояніи рода человѣческаго, продолжавшемся, по его мнѣнію, до столпотворенія Вавилонскаго, и, наконецъ, опредѣляетъ задачу своего труда. „Задача изслѣдованія, говоритъ онъ, состоитъ во 1) въ томъ, чтобы показать, что библейское ученіе о происхожденіи человѣчества съ своей философской стороны есть единственное, которое можетъ успокоить духъ человѣка и сдѣлать для него дѣйствительность разумною и отрадною, во 2) въ томъ, чтобы показать, что въ своихъ историческихъ, географическихъ, хронологическихъ и вообще научныхъ указаніяхъ о первыхъ судьбахъ человѣка Библия не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ научными открытіями, что, напротивъ она подтверждается или и разъясняетъ ихъ, ибо даетъ возможность соединить и обобщить разрозненные факты и затѣмъ уже воспользоваться ими для дальнѣйшаго уразумѣнія священнаго текста“.

Въ первомъ отдѣлѣ первой части авторъ, „руководясь прежде всего и главнымъ образомъ ученіемъ Святой Православной Церкви и толкованіями Святыхъ Отцовъ и затѣмъ современными научными данными, старается посылно выяснить библейское ученіе о происхожденіи и первосостояніи рода человѣческаго“. Въ частности, въ главѣ первой этого отдѣла онъ раскрываетъ библейское ученіе о сотвореніи и природѣ первыхъ людей и излагаетъ различные способы пониманія этого ученія, во второй излагаетъ библейское ученіе о грѣхопаденіи прародителей; въ третьей излагаетъ и оцѣниваетъ гипотезы о мѣстонахожденіи Эдема,—первообиталища прародителей; въ четвертой изслѣдуетъ библейское повѣствованіе о судьбахъ человѣческаго рода отъ грѣхопаденія до Вавилонскаго столпотворенія включительно; въ пятой раскрываетъ библейское ученіе о древности человѣческаго рода и гипотезы касательно хронологіи книги Бытія.

Второй отдѣлъ посвященъ изложенію эволюціонной гипотезы происхожденія человѣка. Въ первой главѣ излагается сущность эволюціонной гипотезы происхожденія животныхъ и примѣненіе ея къ человѣку, который въ гипотезѣ признается только высшимъ животнымъ; во второй главѣ излагаются доказательства происхожденія человѣка отъ животныхъ, побочныя и прямыя; въ третьей сообщаются свѣдѣнія о видоизмѣненіяхъ и развѣтвленіяхъ эволюціонной гипотезы у нѣкоторыхъ новѣйшихъ эволюціонистовъ.

„Вторая часть, по словамъ автора труда, посвящена критическому изслѣдованію тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ судятъ о происхожденіи и далекомъ прошломъ человѣка. Въ этой части раскрывается та мысль, что всѣ эти данныя опровергаютъ доктрину естественнаго происхожденія человѣка и, будучи непонятными и неясными безъ того свѣта, который даетъ Библія, при ея свѣтѣ, оказываются „подтверждають Божественное Откровеніе“. Въ частности, глава первая второй части представляетъ сравненіе библейскаго ученія о происхожденіи человѣка съ эволюціоннымъ въ отношеніи къ потребностямъ человѣческаго духа; глава вторая содержитъ критику эволюціонной гипотезы происхожденія животныхъ видовъ, а также изложеніе и оцѣнку видоизмѣненій ея и поправокъ; глава третья даетъ разборъ побочныхъ данныхъ (данныя эмбриологіи, рудиментарные органы, атавизмъ, микроцефалія, выраженія чувствъ у человѣка) и глава четвертая—прямыхъ доводовъ (данныя палеонтологіи и первобытной археологіи), представляемыхъ эволюціонистами въ пользу ученія

о происхожденіи человѣка отъ животныхъ; глава пятая заключаетъ разборъ гипотезы предшественника и гипотезы предшественниковъ человѣка и археологическихъ доказательствъ существованія человѣка въ третичную эпоху; глава шестая заключаетъ разборъ основаній возможности происхожденія человѣка отъ животныхъ со стороны физической, а глава седьмая представляетъ разборъ основаній возможности происхожденія человѣка отъ животныхъ со стороны психической, въ восьмой главѣ опровергается эволюціонное ученіе о происхожденіи человѣка фактами касательно времени и мѣста появленія человѣка на землѣ и фактами изъ первобытной исторіи человѣчества, — хронологическими, геологическими, палеонтологическими и археологическими; въ девятой разсматриваются доказательства древности человѣческаго рода, выводимыя изъ незапамятнаго существованія рѣзко отличающихся одна отъ другой расъ; въ десятой изслѣдуются доказательства древности человѣческаго рода, почерпаемыя изъ факта давнишняго существованія многихъ рѣзко различающихся между собою языковъ и изъ хронологіи древнихъ образованныхъ народовъ; наконецъ, въ одиннадцатой главѣ приводятся народныя преданія, на основаніи которыхъ можно предполагать недавнее происхожденіе человѣческаго рода отъ одного корня. Въ заключеніи г. Глаголевъ указываетъ важнѣйшіе примѣры согласія библейскаго повѣствованія о первобытномъ состояніи человѣчества съ дѣйствительностью.

Краткій обзоръ содержанія сочиненія дастъ слѣдующія указанія для оцѣнки послѣдняго:

Во первыхъ, задача сочиненія въ дѣйствительности оказалась шире, нежели какъ можно было ожидать по заявленію о ней самого автора во введеніи: онъ не только раскрываетъ и защищаетъ библейское ученіе о происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго, но еще излагаетъ и опровергаетъ несогласное съ Библїей эволюціонное ученіе о тѣхъ же предметахъ, соединяетъ вмѣстѣ съ апологетической задачей полемическую; хотя, правда, послѣдняя служитъ собственно средствомъ для первой, а потому поставлена какъ бы на второмъ планѣ и изслѣдована и раскрыта не столь обширно, какъ первая.

Во вторыхъ, какъ и заглавіе показываетъ, въ сочиненіи раскрываются въ совокупности двѣ темы, два близкихъ между собою предмета: о происхожденіи человѣческаго рода и о первобытномъ состояніи его, продолжавшемся весьма значительный періодъ времени.

При этомъ изслѣдованіи первобытнаго состоянія человѣчества посвящено больше вниманія и удѣлено больше мѣста въ сочиненіи, нежели вопросу о происхожденіи человѣка.

Въ третьихъ, сложность задачи труда, двусторонность темы его и обширность каждой изъ обоихъ частей ея, особенно второй, оказали вліяніе на объемъ и качества сочиненія. Сочиненіе вышло очень обширное по объему и крайне разнообразное, даже разнородное, по содержанію.

Величиной сочиненіе г. Глаголева превышаетъ диссертациі—брошюры въ три и даже въ четыре раза и вдвое больше такихъ, объемъ которыхъ достаточенъ, чтобы не возбуждать къ нимъ неуваженія. Обширность сочиненія тѣмъ болѣе нельзя не вмѣнить въ заслугу автору его, что оно содержитъ не историческое повѣствованіе, а умозрѣніе и критику. Содержаніе сочиненія заимствовано изъ многихъ и при томъ разнородныхъ наукъ, а именно: изъ Свящ. Писанія и изъ толкованій его, древнихъ и новыхъ, изъ біологіи, геологіи, палеонтологіи, первобытной археологіи и исторіи, антропологіи; исторіи религій, лингвистики.

По свящ. Писанію потребовалось изученіе только первыхъ одиннадцати главъ книги Бытія и толкованій на нихъ Святыхъ Отцовъ, а также новѣйшихъ экзегетовъ и другихъ богослововъ: Митрополита Филарета, Кейля, Делича, Дильмана, Цоклера, Вигуру, нѣкоторыхъ русскихъ журнальныхъ статей и догматикъ. Впрочемъ г. Глаголевъ ссылается на Отцовъ Церкви только знаменитѣйшихъ, да и ихъ мысли, напр. Григорія Нисскаго, черпаетъ изъ вторыхъ рукъ. Опровергая эволюціонную гипотезу, онъ, само собой понятно, устремилъ свое вниманіе не на древнихъ писателей о происхожденіи и первобытномъ состояніи человѣческаго рода, а на новѣйшую литературу. Для изложенія и отчасти для разбора эволюціонной гипотезы онъ ознакомился: во первыхъ, съ важнѣйшими и наиболѣе относящимися къ дѣлу сочиненіями англійскихъ эволюціонистовъ — Дарвина, Уоллеса, Леббока, Тейлора, Ляйеля, Гексли и другихъ, по русскимъ переводамъ, во вторыхъ, со взглядами эволюціонистовъ французскихъ—Брока, Мартилье, Карталяка, Говелака, Заборовскаго, Тошинара, Кине, нѣмецкихъ—Гекколя, Фогта, Снелля, Келликера, Негели, русскихъ—Оболенскаго. Лессевича и другихъ,—ознакомился частью по ихъ собственнымъ сочиненіямъ и статьямъ, а больше по отзывамъ ихъ противниковъ. Изъ антиэволюціонистовъ мы находимъ въ его сочиненіи ссылки на слѣдующихъ: изъ

англійскихъ ученыхъ на герцога Аргайльскаго и Макса Мюллера, изъ французскихъ—на Вигуру, Катрфажа, Лаппарана, Арселена, маркиза Надальяка, Гамарда и друг., изъ нѣмецкихъ на Вирхова, Платца и друг., изъ русскихъ — Данилевскаго и Страхова. Съ относящимся къ предмету изслѣдованія ученіемъ этихъ писателей г. Глаголевъ ознакомился частію по русскимъ переводамъ ихъ сочиненій и статей, частію по русскимъ статьямъ о нихъ въ журналахъ: „Христіанское Чтеніе“, „Природа“, „Русское Богатство“, „Русскій Вѣстникъ“, „Сѣверный Вѣстникъ“, частію по подлиннымъ ихъ сочиненіямъ и статьямъ, всего чаще по статьямъ *Revue des Questions Scientifiques*, излюбленнаго имъ журнала.—Кромѣ того, онъ пользовался сочиненіями, не направленными ни въ пользу, ни противъ дарвинизма, напр. первымъ томомъ сочиненія Ленормана: „*Histoire ancienne de l'orient*“ и другими менѣе важными сочиненіями и журнальными статьями, имѣющими отношеніе къ ученію о происхожденіи человѣка и его первобытныхъ судьбахъ.

Мы перечислили ученыхъ, съ мнѣніями, взглядами и ученіями которыхъ болѣе или менѣе ознакомился г. Глаголевъ, но не считаемъ возможнымъ и нужнымъ перечислять сочиненія и статьи, на которыя онъ ссылается: примѣчанія къ сочиненію сами собой даютъ знать о многочисленности и разнообразіи ихъ.

Изъ сказаннаго видно, что основное достоинство сочиненія есть широта его. Это достоинство обнаружилось уже и въ самой темѣ сочиненія. Конечно, широта темы въ русскихъ сочиненіяхъ, писанныхъ на ученія степени, явленіе довольно заурядное, и этимъ они выгодно отличаются отъ иностранныхъ диссертаций, которыя обыкновенно пишутся на узко-спеціальныя темы. Но за то у насъ въ Россіи не рѣдки случаи разработки только половины широкой темы, при чемъ на степень подается только первая часть труда, а на выпускъ второй дается обѣщаніе, которое почти никогда не исполняется. Г. Глаголевъ не послѣдовалъ такимъ соблазнительнымъ примѣрамъ и, взявши широкую тему, по мѣрѣ силъ исчерпалъ ее и написалъ цѣльное и законченное сочиненіе. Далѣе, широта изслѣдованія проявилась въ объемѣ сочиненія, далеко превышающемъ не только малыя, но даже и большія магистерскія сочиненія. Широта же проявилась и въ многочисленности, разнообразіи и разнородности сочиненій и статей, по которымъ составлена диссертация. Но за то широта изслѣдованія, какъ это и всегда бываетъ, принесла ущербъ глубинѣ и обстоятельности его,

по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Вниманіе автора, развлекаемое въ разные стороны, на изученіе разнородныхъ предметовъ и на раскрытіе и рѣшеніе многочисленныхъ подобныхъ вопросовъ, потому самому, не могло глубоко сосредоточиться на каждомъ изъ нихъ въ частности, и нѣкоторые немаловажные предметы рассмотрѣны поверхностно. Такъ напр. изложенію и оцѣнкѣ ученія Геккеля посвящено въ двухъ мѣстахъ всего семь страницъ, а между тѣмъ Геккель признается главой нѣмецкихъ эволюціонистовъ. Въ отмѣренныхъ авторомъ широкихъ границахъ изслѣдованія было не только трудно, но и положительно невозможно съ одинаковою тщательностію и научной полнотой изучить даже только одни капитальныя сочиненія литературы предмета, или, сказать точнѣе, многихъ предметовъ, обсуждаемыхъ въ этой диссертаци. Эволюціонная гипотеза, вопросъ о мѣстонахожденіи рая, хронологія книги Бытія, первобытныя преданія народовъ, вопросъ о происхожденіи языка и языковъ, вопросъ о происхожденіи и взаимоотношеніи расъ, вопросъ о древности человѣческаго рода, — все это такіе трудные, малорѣшенные, и сложные вопросы, и по каждому написано столько, что матеріала достанетъ для много томнаго сочиненія о каждомъ изъ нихъ. Правда, для цѣли автора достаточно было знакомства съ готовыми рѣшеніями этихъ вопросовъ, ему не было особенной надобности углубляться въ самый процессъ, которымъ ученые дошли до своихъ выводовъ, но даже и такое знакомство, при наличности многихъ разногласныхъ и запутанныхъ гипотезъ и мнѣній объ одномъ и томъ же предметѣ, требуетъ большой начитанности и труда.

Широта темы и разнородность изученнаго матеріала воспрепятствовали г. Глаголеву проявить оригинальность взглядовъ. И прежде, а въ особенности въ послѣднія тридцать пять лѣтъ вопросы о происхожденіи человѣка и о судьбахъ первобытнаго человѣчества разрабатывали усердно многіе знаменитые и незнаменитые ученые и специалисты различныхъ цеховъ: богословы, археологи, лингвисты, просто историки и историки религій, геологи и палеонтологи, биологи и антропологи, этнографы и естествоиспытатели, касались ихъ и натуръ-философы, такъ что высказать по этимъ вопросамъ что либо существенно важное и въ то же время новое не легко. Но въ русской литературѣ сочиненіе г. Глаголева по постановкѣ темы есть первый опытъ. Всѣ затронутые въ немъ вопросы были обсуждаемы и въ русской литературѣ, переводной и оригинальной, но порознь, въ разбивку, а не въ одномъ трудѣ, какъ у г. Гла-

голева, и уже одно то составляетъ немаловажную заслугу его, что онъ собралъ и обработалъ разбросанный въ разныхъ журналахъ матеріалъ. Сочиненіе г. Глаголева, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть читателей, чему благопріятствуютъ современность темы, разнообразіе содержанія, живость и легкость изложенія. Хотя эволюціонная гипотеза у насъ въ Россіи была не разъ опровергаема, но эта тема настолько широка, что не можетъ быть скоро и окончательно исчерпанной, и сочиненіе г. Глаголева, ознакомляя читателей, какъ съ русскими, такъ и съ важнѣйшими иностранными произведеніями, защищающими, или опровергающими дарвинизмъ, является ко времени и принесетъ пользу въ борьбѣ противъ дарвинизма, широко распространеннаго среди нашихъ свѣтскихъ ученыхъ.

Съ своей стороны мы предложили бы автору сдѣлать двѣ неважныхъ поправки при напечатаніи сочиненія: во первыхъ, написать по русски французскія имена, оставленные имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ перевода; во вторыхъ, называть дарвинизмъ не теоріей, а гипотезой. Дарвинизмъ ученіе и не общепризнанное и не доказанное, а потому даже и сторонники его изъ числа умѣренныхъ признають его не больше, какъ гипотезой.

Сочиненіе г. Глаголева, по увѣсистому объему, по изобилію и разнообразію сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, по важности его апологетическаго значенія въ настоящее время и по общедоступности изложенія, слѣдуетъ признать достойнымъ того, чтобы оно было допущено до защиты на соисканіе степени магистра богословія“.

IV. Отзывы о сочиненіи преподавателя Пензенской духовной семинаріи Василія Васильева, подъ заглавіемъ: „Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ“. Москва. 1893, представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Ординарнаго профессора Е. Е. Голубинскаго: „Сочиненіе г. Васильева состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Во введеніи авторъ даетъ общія свѣдѣнія о канонизаціи святыхъ, перечисляетъ и оцѣвливаетъ источники свѣдѣній о канонизаціи русскихъ святыхъ, излагаетъ планъ сочиненія и указываетъ задачу, которую онъ поставилъ себѣ при его написаніи. Въ первой главѣ авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи канонизаціи святыхъ въ греческой церкви. Во второй главѣ онъ излагаетъ исторію канонизаціи русскихъ святыхъ отъ начала христіанства въ Россіи до митрополита Макарія. Въ третьей главѣ онъ говоритъ о канони-

заці тѣхъ же святыхъ на макарьевскихъ соборахъ 1547 и 1549 годовъ. Въ четвертой главѣ онъ излагаетъ исторію канонизаціи русскихъ святыхъ съ половины XVI до конца XVII вѣка и заключаетъ главу, а вмѣстѣ и все сочиненіе, краткими свѣдѣніями о канонизаціи святыхъ въ отечественной Церкви со времени учрежденія святѣйшаго Синода до нашихъ дней. Въ общихъ свѣдѣніяхъ, которыя не представляется возможнымъ похвалить за обстоятельность и полноту, мы находимъ странное противорѣчіе автора самому себѣ. Сначала онъ говорилъ: «Установленіе праздника въ честь того или другаго святаго и внесеніе имени его въ календарь составляютъ главнѣйшія и существеннѣйшія формы, въ которыхъ выражается и которыми сопровождается (?) канонизація святыхъ» (стр. 8). А потомъ онъ говоритъ: „Факты нагляднымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что прославленіе того или другаго святаго не всегда сопровождалось внесеніемъ его имени въ святцы или мѣсяцесловъ» (стр. 14).

Говоря объ источникахъ свѣдѣній для канонизаціи русскихъ святыхъ, авторъ далеко несправедливо жалуется на скудость свѣдѣній и въ тоже время, подрывая свою жалобу, вѣдетъ въ превеличеніе относительно одного частнаго ихъ источника. Жалуясь на скудость свѣдѣній, авторъ увѣряетъ, будто въ нашей русской церковной исторіи, вообще очень небогатой свѣдѣніями, вопросъ о канонизаціи святыхъ есть самый скудный между ними (стр. 11 нач.). На самомъ же дѣлѣ должно быть сказано наоборотъ, что въ нашей русской церковной исторіи, вообще очень небогатой свѣдѣніями, вопросъ о канонизаціи святыхъ принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, относительно которыхъ мы обладаемъ наиболѣе достаточными свѣдѣніями. Правда, мы не можемъ сказать, чтобы имѣли свѣдѣнія обо всѣхъ отдѣльныхъ канонизаціяхъ русскихъ святыхъ; но мы имѣемъ этихъ свѣдѣній настолько, что находимся въ возможности точнымъ и обстоятельнымъ образомъ знать тѣ общіе правила и порядки, которыми руководствовалась и которые наблюдала наша церковь при частныхъ канонизаціяхъ святыхъ. А такъ какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ церковь, само собою разумѣется, поступала сообразно принятымъ ею общимъ правиламъ и порядкамъ, то очевидно, что, обладая точнымъ и обстоятельнымъ знаніемъ сихъ послѣднихъ, мы обладаемъ такимъ знаніемъ, которое должно быть признано въ весьма достаточной степени удовлетворительнымъ. При этомъ, и о частныхъ свѣдѣніяхъ нельзя сказать, чтобы мы обладали слишкомъ скуднымъ ихъ

количествомъ, напротивъ—должно сказать, что мы обладаемъ количествомъ ихъ очень и очень достаточнымъ. Источникъ свѣдѣній для канонизаціи, относительно котораго авторъ вдается въ преувеличеніе, составляютъ лѣтописи. Онъ пишетъ: „Лѣтописи имѣютъ (какъ источникъ свѣдѣній о канонизаціи святыхъ) немаловажное значеніе, заключаая въ себѣ указанія и свѣдѣнія, драгоценныя для насъ; лѣтописцы наши передаютъ не мало фактовъ, касающихся жизни болѣе извѣстныхъ и знаменитыхъ святыхъ и ихъ прославленія послѣ смерти; они рассказываютъ ихъ житія, повѣствуютъ объ открытіи мощей, иногда даже объ установленіи праздника въ честь ихъ; случится ли чудо при гробѣ святаго, лѣтописецъ съ великою радостію вноситъ въ свою лѣтопись иногда простое извѣстіе, что такого(-то) года Богъ простилъ у гроба такого-то святаго человѣка больного тѣмъ-то, иногда же цѣлое пространное сказаніе о чудеси; построятъ ли храмъ въ честь святаго, лѣтописецъ не приминетъ занести и это въ свою хронику“ (стр. 18). Всякій сколько нибудь знающій дѣло человѣкъ только пожметъ плечами надъ сейчасъ приведенными словами автора. Сами отъ себя лѣтописцы наши почти что ничего не говорятъ о святыхъ (за исключеніемъ рѣчей начальнаго лѣтописца о преп. Ѳеодосіи Печерскомъ и Новгородскаго лѣтописца о преп. Антоніи Римлянинѣ), и наибольшая часть того, что читается въ нихъ о святыхъ, взята изъ житій послѣднихъ и изъ сказаній о нихъ; но и эта наибольшая часть весьма незначительна.

Первая глава сочиненія, содержащая краткій очеркъ исторіи канонизаціи святыхъ въ греческой церкви, должна быть признана несостоятельною. Глава эта написана авторомъ съ тою цѣлю, чтобы свѣдѣніями о канонизаціи святыхъ въ греческой церкви восполнить недостатокъ свѣдѣній о канонизаціи святыхъ въ русской церкви (стр. 18 fin.); но въ исторіи канонизаціи греческихъ святыхъ вовсе нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, вовсе не приведено до сихъ поръ въ извѣстность свѣдѣній, нужныхъ для исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ; а поэтому вовсе не достигается авторомъ и предположенная имъ цѣль. Въ исторіи канонизаціи греческихъ святыхъ имѣются довольно обстоятельныя положительныя свѣдѣнія о канонизаціи мучениковъ. Но эти свѣдѣнія, подробно излагаемая авторомъ не имѣютъ приложенія къ канонизаціи нашихъ русскихъ святыхъ, ибо у насъ мученики составляли между святыми только самое незначительное исключеніе. Намъ нужны были бы свѣдѣнія о канонизаціи святителей и подвижниковъ; но

этихъ-то свѣдѣній вовсе нѣтъ или неизвѣстнo въ исторіи канонизаціи греческихъ святыхъ. Правда, авторъ говоритъ о канонизаціи въ греческой церкви и святителей съ подвижниками, но говоритъ предположительно, дѣлая заключенія отъ данныхъ представляемыхъ исторіей канонизаціи нашихъ русскихъ святыхъ. А такимъ образомъ у него выходитъ тотъ *circulus curiosus* или то забавное круженіе, что, думая исторіей греческой канонизаціи прояснить нашу русскую канонизацію, онъ прибѣгаетъ къ положительнымъ даннымъ второй канонизаціи, чтобы дѣлать предположенія о первой.

Довольно подробно говоритъ авторъ о диптихахъ и о календаряхъ (стр. 29—42). Но значеніе первыхъ онъ преувеличиваетъ въ исторіи канонизаціи: святые *не потому* становились святыми, что были вписываемы въ диптихи, а *послѣ того* были вписываемы въ диптихи, какъ были признаваемы святыми. А вторые онъ неправильно производитъ отъ первыхъ (стр. 37): они столько же древни, какъ и первые (что, въ противорѣчіе себѣ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ и онъ самъ,—стр. 40, начало и конецъ).

Обращаясь къ самой исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ, я прежде всего долженъ заявить о своемъ совершенномъ несогласіи съ увѣреніями автора относительно трудности его задачи. Въ предисловіи къ сочиненію онъ говоритъ: „Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ, составляющая предметъ настоящаго изслѣдованія, совсѣмъ еще не разработана въ нашей церковно-исторической наукѣ, въ которой мы не можемъ указать ни одного сочиненія по этому вопросу“. Во введеніи къ сочиненію авторъ говоритъ: „Приступая къ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ очень много затрудненій; мало того, что этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу вопросовъ, которыхъ еще совершенно не касались въ русской церковно-исторической наукѣ, но и матеріалъ, необходимый для его рѣшенія, еще совсѣмъ почти не собранъ и не сгруппированъ; по этому намъ приходится и собирать этотъ матеріалъ и дѣлать на основаніи его тѣ или другіе выводы“ (стр. 11 нач.). Если бы дѣйствительно было такъ, какъ представляетъ дѣло авторъ, то задача его, безспорно, была бы очень трудна: но въ такомъ случаѣ я не далъ бы ему и его темы въ увѣренности, что человѣку, пишущему магистерскую диссертацию, не справиться съ нею. Въ дѣйствительности, вопроса о канонизаціи святыхъ весьма касалась русская церковно-историческая наука и вся подготовительная работа по

вопросу сдѣлана настолько, насколько можно этого желать: главный источникъ свѣдѣній о канонизаціи святыхъ составляютъ ихъ житія и сказанія о нихъ, но тѣ и другіе приведены въ полную извѣстность и совершенно обслѣдованы. Не совсѣмъ ясно для меня, что хочетъ сказать авторъ словами, что ему приходилось собирать матеріалъ. Если хочетъ сказать, что онъ не нашелъ готоваго свода выписокъ изъ житій, говорящихъ о канонизаціи, то его желанія простираются очень далеко: будь эти выписки, тогда ему почти ничего не осталось бы дѣлать. По собственно говоря, есть даже и выписки изъ житій, только онѣ не сведены совсѣмъ въ одно мѣсто. На основаніи матеріала, приведеннаго въ совершенную извѣстность, автору, конечно, нужно было дѣлать тѣ или другіе выводы, ибо иначе, въ чемъ же бы состояла и его задача. Но даже и относительно этихъ выводовъ вовсе и никакъ нельзя сказать, чтобы до автора ничего не было сдѣлано и что бы ему тутъ приходилось быть въ точномъ смыслѣ начинателемъ. Если бы дѣло относительно матеріала дѣйствительно находилось въ такомъ положеніи, какъ представляетъ его авторъ: то хотя онъ и не справился бы съ своей задачей, во всякомъ случаѣ былъ бы принужденъ работать по первоисточникамъ. Но достаточно просмотрѣть цитаты автора, чтобы видѣть, что главнѣйшимъ образомъ и на наибольшую часть онъ работалъ не по первоисточникамъ, а по вторымъ рукамъ (а если въ не совсѣмъ толковомъ предисловіи автора усматривать его намѣренное желаніе представить читателю дѣло инымъ образомъ, то за подобное желаніе вовсе не можетъ быть сказано ему похвалы). Несомнѣнно, что предметъ автора очень обширный и что какъ таковой онъ—весьма не легкій; но за нимъ вовсе не можетъ быть признано той большей трудности, на которую указываетъ авторъ (трудность обширности, но не трудность неразработанности).

Вторая глава сочиненія, посвященная канонизаціи русскихъ святыхъ отъ начала христіанства въ Россіи до митр. Макарія, раздѣляется на двѣ части: въ первой части передаются свѣдѣнія о канонизаціи каждаго отдѣльно святаго, канонизованнаго въ продолженіе сейчасъ указаннаго времени; вторая часть имѣетъ своимъ предметомъ общіе выводы, слѣдующіе изъ частныхъ свѣдѣній, и общее представленіе автора о дѣлѣ. Относительно первой части главы имѣемъ замѣтить, что авторъ ошибочно относитъ къ данному періоду времени канонизацію Іакова Боровицкаго и Андрея князя Смоленскаго. Эта ошибка автора должна быть признана

особенно плачевною (и такъ сказать нарочито смиряющею его указанное нами выше превозношеніе): о другихъ святыхъ онъ беретъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, и свѣдѣнія оказываются вѣрными, а за свѣдѣніями о названныхъ двухъ святыхъ онъ самъ обращался къ первоисточникамъ,—къ сказаніямъ о нихъ, и эти-то свѣдѣнія и оказываются ошибочными. Общее представленіе автора о канонизаціи русскихъ святыхъ, которое находимъ у него во второй части, есть то, что канонизація эта, начавшись съ первоначально заимствованныхъ изъ греческой церкви формъ, потомъ постепенно измѣнялась, пока не приняла постоянныхъ и опредѣленныхъ формъ, существующихъ въ ней доселѣ (стр. 19 fin.); а относительно перваго періода канонизаціи, отъ начала христіанства до митр. Макарія, авторъ говоритъ: „Намъ кажется, что на весь этотъ періодъ нужно смотрѣть, какъ именно на такое время, когда только еще вырабатывались тѣ правила, которыя окончательно формулированы митрополитомъ Макаріемъ на его соборахъ 1547—1549 годовъ“ (стр. 116 sub fin.). Авторъ доказываетъ справедливость своего представленія дѣла, но доказываетъ такъ, что едва-ли заставитъ читателя сколько нибудь согласиться съ нимъ. Всѣ тѣ частныя дѣйствія, изъ которыхъ слагался или состоялъ процессъ канонизаціи на Макарьевскихъ соборахъ 1547 и 1549 годовъ, находимъ мы и прежде; изъ этого, очевидно, слѣдуетъ, что Макарій не привнесъ чего нибудь новаго, а поступалъ такъ (по тѣмъ правиламъ), какъ (по какимъ правиламъ) поступало было и прежде. Но, говоритъ авторъ, въ домакарьевскихъ канонизаціяхъ мы не видимъ употребленія всѣхъ упомянутыхъ дѣйствій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но въ одномъ случаѣ употребленіе одного дѣйствія, въ другомъ другаго (стр. 124—125). Однако, во первыхъ, авторъ вовсе не доказываетъ (и не докажетъ) положительными свидѣтельствами, чтобы это на самомъ дѣлѣ было такъ; во вторыхъ, если бы это было и такъ, то изъ сего слѣдовало бы—или что наши свѣдѣнія о канонизаціяхъ святыхъ домакарьевскаго времени недостаточны (что именно и есть) или что въ это время еще не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ употреблялись всѣ тѣ частныя дѣйствія, употребленіе которыхъ видимъ на макарьевскихъ соборахъ. Заключение изъ сказаннаго было-бы не то, что соборъ ввелъ новыя, не употреблявшіяся прежде дѣйствія, а лишь то, что онъ полиѣе прежняго примѣнилъ дѣйствія употреблявшіяся прежде. А если такъ, то очевидно, что говорить о предшествующемъ Макарію времени, будто оно только вырабатывало

тѣ правила, которыя Макарій формулировалъ на своихъ соборахъ, было бы несправедливо и что дѣйствительныя представленія о немъ должны быть иныя.

На вопросъ: съ согласія или безъ согласія митрополитовъ епископы наши канонизовали святыхъ къ мѣстному, епархіальному празднованію, авторъ отвѣчаетъ, что безъ согласія, несылается—во первыхъ на молчаніе житій объ испрашиваніи епископами у митрополитовъ этого согласія,—во вторыхъ, на примѣръ церкви греческой (стр. 142 fin). Но едва ли можно признать положительный отвѣтъ автора, хотя, по отсутствію свидѣтельствъ, нельзя дать положительнаго отвѣта и въ противоположномъ смыслѣ. Объ установленіи мѣстнаго празднованія епископомъ говорить и всего одно житіе (Леонтія Ростовскаго) и его молчаніе объ испрошеніи епископомъ согласія у митрополита легко можетъ быть изъяснено, какъ легко могло бы быть изъяснено молчаніе и нѣсколькихъ или многихъ житій: испрошеніе согласія могло быть принимаемо за такое обычное дѣло, что было находимо страннымъ и не нужнымъ упоминать о немъ, какъ и въ настоящее время не упоминаютъ о томъ, что само собой предполагается. Что касается до примѣра церкви греческой, то у автора въ данномъ случаѣ тотъ *circulus curiosus*, о которомъ мы говорили выше: онъ ссылается на примѣръ церкви греческой, но примѣръ этотъ созданъ имъ какъ заключеніе отъ примѣра церкви русской (стр. 54). Между тѣмъ допустить или предполагать, чтобы епископы не испрашивали дозволенія у митрополита, представляется весьма маловѣроятнымъ. Правило каноническое предписываетъ, чтобы епископы ничего важнаго не дѣлали безъ вѣдома митрополита (Антиох. Соб. Пр. 9); канонизація святыхъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу дѣлъ важныхъ. Почему же бы епископы наши совершали ее безъ испрошенія согласія у митрополита?

Въ заключеніе замѣчаній о разбираемой второй главѣ сочиненія должно быть сказано, что, изображая церковную обьособленность русскихъ областей одной отъ другой, чѣмъ условливалась мѣстная, епархіальная, канонизація святыхъ (стр. 146 sqq.), авторъ впадаетъ въ нѣкоторое преувеличеніе.

Обращаясь къ главѣ третьей, посвященной макарьевскимъ соборомъ 1547 и 1549 годовъ.

Относительно собора 1547 года авторъ утверждаетъ, будто основаніемъ для него къ канонизаціи извѣстныхъ святыхъ послужили данныя литературныя; именно—будто соборъ канонизовалъ

святыхъ, которымъ написаны были житія и каноны и между сими святыми частѣйшимъ образомъ—тѣхъ, житія и каноны которыхъ были наиболѣе распространены (стр. 174—175). Это утверждение или мнѣніе автора есть совершенно ложное. Самъ-же онъ говоритъ, что митр. Макарій на своихъ соборахъ сдѣлалъ въ отношеніи къ канонизаціи святыхъ значительный шагъ впередъ противъ предшествующаго времени. Но если бы на соборѣ 1547 года Макарій произвелъ свои канонизаціи на сейчасъ указанномъ основаніи, то съ его стороны это было бы значительнымъ шагомъ не впередъ, а назадъ, ибо въ предшествующее время какъ говоритъ самъ авторъ (стр. 153), необходимое условіе канонизаціи составляли чудеса. Святые, канонизованные на соборѣ 1547 года, раздѣлялись въ отношеніи къ канонизаціи на два класса,—одни канонизованы были къ общему, другіе къ частному или мѣстному празднованію. Когда авторъ говоритъ о канонизаціи на основаніи литературныхъ данныхъ, то онъ разумѣетъ святыхъ перваго класса; что-же касается до святыхъ втораго класса, то житій и канонѡвъ наибольшей части ихъ не было написано до собора (какъ говоритъ и самъ авторъ,—стр. 176 fin). Такимъ образомъ, если бы принимать его мнѣніе, то выходило бы, что святые втораго класса были канонизованы соборомъ безъ всякаго основанія, что было бы нелѣпо. На самомъ дѣлѣ должно думать, что одни и другіе святые канонизованы были на основаніи чудесъ, совершавшихся при ихъ гробахъ, но что тогда какъ о чудесахъ святыхъ перваго класса представлены были собору прямыя записи, находившіяся при житіяхъ, о чудесахъ вторыхъ доведено было до его свѣдѣнія только устно, такъ что извѣстія о первыхъ чудесахъ могли казаться ему болѣе достовѣрными, чѣмъ о вторыхъ (и потомъ еще, вѣроятно, по свѣдѣніямъ собора, при гробахъ первыхъ святыхъ совершались болѣе многочисленныя чудеса, чѣмъ при гробахъ вторыхъ). Житія архіепископовъ Новгородскихъ Евѡимія и Іоны и каноны имъ существовали до собора 1547 года и, конечно, очень хорошо были извѣстны митр. Макарію. Если же они не были канонизованы на соборѣ 1547 года, а были канонизованы уже на соборѣ 1549 года, то ясно, что причиною канонизаціи на соборѣ 1547 года должно быть считаемо не то, что указываетъ авторъ, — не наличность житій съ канонами, а то, на что указываемъ мы, — чудеса при гробахъ (при чемъ дѣло о сейчасъ помянутыхъ архіепископахъ Новгородскихъ должно быть представляемо такъ, что до собора 1549 года митр. Макарію хотя и было извѣстно объ ихъ житіяхъ

и канонахъ имъ, но не было извѣстно о совершившихся у ихъ гробовъ чудесахъ). Наконецъ, не можетъ подлежать сомнѣнiю, что соборъ 1547 г. произвелъ канонизацію святыхъ на основанiи тѣхъ-же данныхъ, что и соборъ 1549 г.; но что послѣднiй соборъ произвелъ канонизацію святыхъ на основанiи чудесъ, совершавшихся при гробахъ святыхъ, это мы знаемъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ изъ свидѣтельства Стоглаваго собора (гл. 4).

На соборѣ 1547 года царь и митрополитъ послѣ канонизаціи извѣстнаго количества святыхъ, заповѣдали архіепископамъ и епископамъ, чтобы эти послѣдніе произвели должнѣйшій обыскъ о великихъ новыхъ чудотворцахъ (Стоглавъ, гл. 4). Авторъ разумѣетъ подъ обыскомъ, во-первыхъ, собраніе агиографическаго матеріала или свѣдѣній о жизни святыхъ,—во вторыхъ, собраніе чудесъ (стр. 191 sqq.). Но это не правильно: подъ обыскомъ разумѣется повѣрка записей и устныхъ разсказовъ о чудесахъ. На соборѣ 1549 г. были канонизованы святые, жившіе за столѣтія до него: какъ же бы могли быть собираемы біографическія о нихъ свѣдѣнія? Съ другой стороны, что свѣдѣнія эти не были собираемы, видно изъ того, что житія нѣкоторыхъ святыхъ, канонизованныхъ на соборѣ 1549 года, были написаны, что говоритъ и самъ авторъ (стр. 185), уже послѣ собора. Какъ понимать порученіе царя и митрополита архіепископамъ и епископамъ произвести обыскъ о великихъ новыхъ чудотворцахъ, именно—что подъ обыскомъ должно разумѣть дознаніе о чудесахъ, это совершенно ясно видно изъ записи о порученiи, какъ она читается въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора: царь и митрополитъ приказали, по записи архіепископамъ и епископамъ „извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцахъ священными соборы и игумены и священноиноки и иноки и пустынники и князи и боляры и богобоязненными людьми, *идъ которые чудотворцы прославились великими чудесы и знаменіи, отъ коликихъ временъ и въ каковы лѣта*“ (Каз. изд. стр. 44. Что-же касается до житій и каноновъ, то они, сколько ихъ было написано, просто представлены были собору и были свидѣтельствованы уже симъ послѣднимъ).

Относительно Макарьевскихъ соборовъ 1547 и 1549 годовъ авторъ утверждаетъ—во-первыхъ, что съ ихъ времени канонизація приняла характеръ обще-церковный (стр. 157), т. е. что святые начали быть канонизуемы къ общему, а не къ мѣстному празднованію; во-вторыхъ, что послѣ этихъ соборовъ неизвѣстно

ни одного случая канонизаціи святаго мѣстнымъ епископомъ (стр. 200), т. е. что епископы совѣмъ лишены были права этой канонизаціи. Но то и другое совершенная неправда. Что касается до канонизаціи къ мѣстному празднованію, то непонятно, какъ авторъ забываетъ, что соборъ 1547 года изъ 22-хъ канонизованныхъ имъ святыхъ цѣлыхъ девять канонизовалъ къ мѣстному празднованію. Самъ авторъ указываетъ много примѣровъ позднѣйшей канонизаціи только къ мѣстному празднованію ¹⁾. Наконецъ, и въ настоящее время есть весьма немалое количество святыхъ канонизованныхъ послѣ макарьевскихъ соборовъ, которымъ празднуется только мѣстно, слѣдовательно—которые канонизованы только къ мѣстному празднованію. Что касается до права епископовъ канонизовать святыхъ къ мѣстному празднованію, то въ указѣ архіепископа Холмогорскаго Аѳанасія въ Соловецкій монастырь отъ 1690 года о мѣстномъ (какъ это и у автора, — стр. 214) празднованіи преп. Герману онъ (авторъ) долженъ былъ читать слова, изъ которыхъ слѣдуетъ, что и тогда еще епископы не лишены были права канонизаціи, подъ условіемъ разрѣшенія государя и благословенія патріарха. А на самомъ дѣлѣ они не лишены этого права, подъ сейчасъ указаннымъ условіемъ, и въ настоящее время (о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ примѣръ, имѣвшій мѣсто не далѣе, какъ въ 1833-мъ году).

Обращаемся къ главѣ четвертой, содержащей рѣчи о канонизаціи русскихъ святыхъ съ половины XVI вѣка до конца XVII вѣка.

Глава эта, подобно главѣ второй, раздѣляется на двѣ половины: въ первой половинѣ—хронологическій перечень святыхъ, канонизованныхъ въ продолженіе даннаго времени; во второй половинѣ—общія рѣчи о порядкѣ канонизаціи за то же время.

Въ первой половинѣ вмѣсто краткаго перечня ожидались бы подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о канонизаціи каждаго святаго. Авторъ указываетъ на особыя причины, почему вмѣсто подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній онъ даетъ краткій перечень. Но мы откровенно должны сказать, что причины эти мнимыя и несостоятельныя и что дѣйствительную причину составляетъ отсутствіе желаемыхъ свѣдѣній въ тѣхъ вторыхъ рукахъ, которыми пользуется авторъ. При этомъ краткій перечень автора, вслѣдствіе того, что онъ пользоался не нѣскими тѣми вторыми руками, которыми бы въ данномъ случаѣ долженъ былъ пользоваться,

¹⁾ См. стр. 187, 197, 206, 208 bis. 209, 210, 214 bis.

далеко не можетъ быть признанъ совершенно полнымъ: у него не достаетъ очень значительнаго количества святыхъ, канонизованныхъ послѣ собора 1549 года до конца XVII вѣка.

Общія представленія автора о канонизаціи снятыхъ въ русской церкви, какъ мы говорили выше, состоятъ въ томъ, что канонизація эта постепенно измѣнилась. Постепенное измѣненіе канонизаціи авторъ понимаетъ въ смыслѣ постепеннаго ея осложненія. Такъ какъ къ концу XVII вѣка канонизація достигла у насъ конца своего образованія: то, по автору, должно выходить, что къ сему времени она достигла болѣе или менѣе значительной сложности. По его увѣренію, такъ это и было (стрр. 215, 219, 236 гл.). На самомъ же дѣлѣ этого такъ вовсе не было. Порядокъ канонизаціи святыхъ въ русской церкви съ древняго и до позднѣйшаго времени оставался однимъ и тѣмъ же и не заключалось въ немъ никакой сложности. Епархіальному архіерею или митрополиту-патріарху доносило было, что при гробѣ или при мощахъ какого-либо усопшаго подвижника благочестія творятся чудеса; епархіальный архіерей или митрополитъ-патріархъ удостовѣрялся въ справедливости донесенія чрезъ посланныхъ на мѣсто слѣдователей и по удостовѣреніи въ справедливости донесенія канонизовалъ подвижника (епархіальный архіерей къ мѣстному празднованію и подѣ указаннымъ выше условіемъ),—вотъ порядокъ канонизаціи у насъ святыхъ. Никакой тутъ сложности нѣтъ и никакого тутъ осложненія и не могло происходить. Авторъ настаиваетъ на томъ, что предварительный обыскъ о чудесахъ чрезъ посланныхъ на мѣсто слѣдователей съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе осложнялся. Въ дѣйствительности онъ вовсе не осложнялся, а развѣ только становился съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе строгимъ. Но произвести дознаніе болѣе строгое, чѣмъ дѣлалось прежде: какое тутъ осложненіе? Если бы задать автору вопросъ: какой онъ съ своей стороны предложилъ бы менѣе сложный способъ дознанія, то вопросъ этотъ, несомнѣнно, привелъ бы его въ совершенное замѣшательство. Относительно происхожденія неправильнаго общаго представленія автора о нашей русской канонизаціи святыхъ возможны два предположенія: или что онъ усваиваетъ нашей канонизаціи характеръ западной, римско-католической, которая дѣйствительно въ позднѣйшее время стала очень сложною, или что онъ дошелъ до представленія путемъ апіорическимъ, признавая постепенное осложненіе за необходимый историческій процессъ. Впрочемъ, какой бы ни былъ источникъ ошибочнаго представленія, по несомнѣнно то, что оно ошибочно.

Изъ всего неодобрительнаго, сказаннаго мною о сочиненіи г. Васильева, по видимому, слѣдуетъ, что я не признаю его такимъ сочиненіемъ, которое бы давало автору его право на полученіе степени магистра богословія. Но на самомъ дѣлѣ, не смотря на все сказанное мною, т. е. не смотря на всѣ указанные мною недостатки сочиненія г. Васильева, я признаю его за сочиненіе, дающее автору право на полученіе степени магистра богословія.

Монографіи, къ числу которыхъ принадлежитъ сочиненіе г. Васильева, по достоинству своему бываютъ двухъ родовъ. Въ однихъ настолько полно, обстоятельно и вообще удовлетворительно изслѣдуются и рѣшаются какіе-нибудь научные вопросы, что дѣло, такъ сказать, ими поканчивается, не требуя новыхъ монографій (по крайней мѣрѣ, на болѣе или менѣе долгія времена, до накопленія новаго матеріала); въ другихъ взятые научные вопросы не изслѣдуются и не рѣшаются окончательно (въ указанномъ смыслѣ), а только болѣе или менѣе готовятъ къ рѣшенію, бывъ изслѣдованы и рѣшены не вполне, а лишь до нѣкоторой, болѣе или меньшей, степени. Первые монографіи, смотря по объему и трудности научныхъ вопросовъ, которымъ онѣ посвящены, составляютъ безотносительнымъ образомъ цѣнные и весьма цѣнные вклады въ науку. За вторыми монографіями не можетъ быть признано научной цѣнности безотносительной; но цѣнность относительная безспорнымъ образомъ должна быть имъ усвояема. Эта вторая цѣнность также можетъ быть болѣею или меньшею, смотря по относительному болѣе или меньшему научному ихъ достоинству и по болѣе или меньшей трудности вопросовъ, которымъ онѣ посвящены. Если монографія только готовится къ рѣшенію такого нетруднаго вопроса, который могъ бы быть рѣшенъ и за одинъ разъ, то цѣнность ея, конечно, невелика; но если она готовится къ рѣшенію такого труднаго вопроса, который за одинъ разъ могъ бы быть рѣшенъ развѣ только исключительными усиліями исключительнаго таланта, что какъ исключительное и бываетъ не часто, и притомъ готовится настолько, что дальнѣйшаго за нимъ изслѣдователя поставляетъ въ возможность рѣшить вопросъ окончательно (въ указанномъ смыслѣ): то относительная цѣнность ея должна быть признана безспорною и очень не малою. Диссертация г. Васильева принадлежитъ къ разряду именно сейчасъ указанныхъ вторыхъ монографій. Предметъ его диссертации не представляетъ тѣхъ трудностей, на которыя указываетъ онъ самъ и о чемъ было говорено нами выше, но представляетъ ту весьма

большую трудность, что есть предметъ очень обширный. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ отъ начала христіанства въ Россіи до конца XVII вѣка слагается развѣ не много менѣе, чѣмъ изъ двухъ сотъ отдѣльныхъ канонизацій святыхъ: можно судить, до какой степени предметъ обширенъ! Если не половина, не треть и не четверть, то уже навѣрное пятая часть канонизацій могли бы служить темами для небольшихъ отдѣльныхъ диссертаций; но большая тема, слагающаяся почти что изъ сорока небольшихъ темъ, конечно, должна быть признана исключительно обширной темой. По сей часъ сказанному я и нахожу, что сдѣланное г. Васильевымъ въ его диссертации для разработки его весьма обширной темы даетъ ему право на полученіе степени магистра богословія“.

б) Ординарнаго профессора В. О. Ключевского:

„И во вступленіи, и во введеніи авторъ самъ указываетъ на затрудненія, съ которыми ему приходилось бороться при составленіи своего ученаго опыта, говоря, что избранный имъ вопросъ принадлежитъ къ числу такихъ, которыхъ еще совершенно не касались въ русской церковно-исторической наукѣ, и что матеріалъ, необходимый для его рѣшенія, еще совсѣмъ почти не собранъ и не сгруппированъ, потому автору приходилось и собирать матеріалъ, и дѣлать на основаніи его тѣ или другіе выводы (стр. 11). Авторъ правъ въ значительной степени; особенно его задача требовала выводовъ, какъ впрочемъ требуетъ ихъ всякій научный вопросъ. При видимой спеціальности содержанія избранной темы объемъ ея довольно обширенъ, соприкасаясь съ разнородными вопросами историко-политическими, историко-литературными, церковно-историческими и богословскими. Эти вопросы разсматривались въ нашей литературѣ раздѣльно, безъ взаимной связи и не во всей совокупности. Свести ихъ въ изслѣдованіи, сосредоточивъ вокругъ избраннаго предмета, и пересмотрѣть собранные матеріалы по основному вопросу, по возможности пополнивъ ихъ и пересмотрѣвъ, что уже сдѣлано для ихъ обработки—таковы простѣйшія требованія, удовлетворить которымъ предстояло автору для рѣшенія избранной имъ задачи.

Читатель находитъ въ книгѣ г. Васильева слѣды значительныхъ подготовительныхъ работъ, какія понадобились для ея составленія. Авторъ ознакомился съ литературой и источниками русской агіологии, изданными и нѣкоторыми неизданными, какіе могъ найти по мѣсту своихъ занятій. Внѣшняя фактическая исторія канонизаціи изложена г. Васильевымъ вообще довольно обстоятельно,

при чемъ онъ обнаружилъ критическую наблюдательность, умѣнье вникнуть нѣ текстъ памятника и воспользоваться его намекомъ для разъясненія темнаго факта. Изложеніе разныхъ частей предмета страдаетъ нѣсколько схематическимъ однообразіемъ, по мѣстамъ растянута и вообще недостаточно обработано; но нельзя отказать автору въ стройности и обдуманности его труда и въ стараніи возможно проще и полнѣе высказать свою мысль.

Но можно замѣтить нѣкоторые недосмотры во взглядѣ автора на предметъ изслѣдованія, неполноту въ выборѣ частныхъ вопросовъ, изъ которыхъ онъ составилъ свою задачу. Онъ поставилъ свою тему въ довольно тѣсныя рамки, далъ ей очень сдержанное развитіе. Канонизацію святыхъ онъ разсматриваетъ преимущественно какъ актъ церковно-административной практики, слабо касаясь ея, какъ факта церковно-исторической жизни. Подробно, съ критическимъ разборомъ отдѣльныхъ данныхъ, представляемыхъ источниками русской церковной исторіи, онъ изучаетъ способы, приемы и условія канонизаціи, практиковавшіеся въ древне-русской церкви; но при этомъ онъ не входитъ въ одинаково-подробный разборъ того религіознаго представленія, какое соединяла древняя Русь съ канонизованнымъ отечественнымъ святымъ, которое вызывало его канонизацію или ею вызывалось. По важности значенія, какое имѣло и доселѣ сохраняетъ въ русской церковной жизни почитаніе святыхъ, это религіозное представленіе, его возникновеніе и составъ, мѣстныя особенности, какія обнаруживались въ его развитіи, и его общее дѣйствіе на нравственно-религіозное чувство народа,—все это, казалось бы, тѣсно связано съ исторіей того церковнаго акта, который дѣлалъ подвижника русской церкви предметомъ церковнаго чествованія. А такъ какъ это религіозное представленіе во всей полнотѣ своего содержанія и своего нравственнаго дѣйствія выражалось въ житіяхъ святыхъ, въ похвальныхъ словахъ и церковныхъ службахъ, имъ посвященныхъ, то общій историческій разборъ этихъ памятниковъ агіологической литературы существенно пополнилъ бы исторію канонизаціи русскихъ святыхъ. Въ краткомъ обзорѣ источниковъ авторъ говоритъ о житіяхъ и службахъ въ честь святыхъ, но только какъ о памятникахъ, сообщающихъ свѣдѣнія о времени, способахъ и правилахъ канонизаціи (стр. 16—18).

Между тѣмъ авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ такое явленіе древне-русской церковной жизни, которое само по себѣ давало ему прямой поводъ коснуться не только сущности, но и исторіи

указаннаго религіознаго представленія. Онъ замѣтилъ и хорошо выяснилъ фактами ту любопытную черту изслѣдуемаго имъ предмета, что въ древней Руси до церковныхъ соборовъ 1547 и 1549 гг. почитаніе отечественныхъ святыхъ подобно ихъ канонизаціи носило мѣстный характеръ (стр. 143 и сл.), что святой прославлялся только въ своей мѣстности, гдѣ онъ родился или подвизался. Авторъ разсматриваетъ причины этого „усиленнаго развитія у насъ мѣстнаго почитанія святыхъ“. Одною изъ нихъ, которую авторъ называетъ *канонической*, онъ признаетъ мѣстный характеръ канонизаціи святыхъ, которую до половины XVI в. обыкновенно совершали епархіальные архіереи. Другою причиною разсматриваемаго явленія онъ считаетъ раздробленіе русскаго государства на удѣлы: „удѣльный періодъ русскаго государства, пишетъ онъ (стр. 146), совпадаетъ съ усиленнымъ развитіемъ у насъ мѣстнаго почитанія святыхъ; это уже одно совпаденіе много можетъ говорить о тѣсной причинной связи этихъ обоихъ явленій“. Авторъ обстоятельно доказываетъ историческими данными и своими соображеніями дѣйствіе этой причины. Не со всѣми его соображеніями можно согласиться. Объясняя господствовавшій на Руси въ тѣ вѣка взглядъ на отечественнаго святаго, какъ на покровителя одного какого-либо города или края, авторъ замѣчаетъ, что тогда къ святымъ чужихъ областей относились даже пренебрежительно и презрительно, и въ примѣръ такого отношенія приводитъ выходку Сергія, москвича родомъ, назначеннаго на кафедру новгородскаго архіепископа, который назвалъ „смердовичемъ“ св. новгородскаго владыку Моисея. Но въ этой выходкѣ, можетъ быть, сказалось не столько областное себялюбіе, перенесенное въ церковную сферу, сколько пренебреженіе высокопоставленнаго москвича къ невысокому сословному происхожденію новгородскаго святаго, подобное извѣстному отзыву Вассіана Косаго о преп. Макаріи Колязинскомъ, „мужикъ сельскомъ“, или еще скорѣе московское іерархическое несочувствіе ко всенародному, *смердовому* избранію новгородскихъ владыкъ на вѣчѣ. Другимъ примѣромъ подобнаго же отношенія къ святынямъ чужихъ областей или удѣловъ является у автора обычай или правило московскихъ князей по присоединеніи того или другаго удѣла всѣ святыни его свозить къ себѣ въ Москву (стр. 148). Но этотъ примѣръ едва ли доказываетъ пренебрежительное, „безцеремонное“ отношеніе къ чужимъ святынямъ, скорѣе напротивъ: если московскіе князья увозили ихъ къ себѣ, значитъ, дорожили ими.

Но въ самомъ дѣлѣ не даромъ локализациа церковнаго почитанія русскихъ святыхъ совпала съ политическимъ раздробленіемъ Руси; только это совпаденіе двухъ разнородныхъ явленій слѣдовало бы объяснить, указавъ точки ихъ соприкосновенія; иначе совпаденіе можетъ показаться простой случайностью. Исторически вѣрное объясненіе его у автора едва ли богословски полно. Первичнаго источника религіознаго явленія слѣдуетъ искать, конечно, въ религіозномъ чувствѣ или сознаніи. Изъ какихъ элементовъ сложилось представленіе, которое самому автору кажется весьма страннымъ, — представленіе о святомъ, какъ покровителѣ только своей мѣстности, на котораго жители другаго края считали возможнымъ переносить свои симпатіи или антипатіи къ его единоземцамъ? Нельзя думать, чтобы оно составилось изъ одной лишь удѣльной разрозненности, ея условій и слѣдствій, и самъ авторъ такъ не думаетъ: онъ только считаетъ удѣльное дробленіе первымъ и главнымъ изъ существовавшихъ въ жизни русскаго общества условій, которыя усиливали дѣйствіе „канонической“ причины изучаемаго явленія. Можетъ быть, онъ даже сказалъ слишкомъ много, приписавъ этому условію такое значеніе. Локализациа чествованія святыхъ въ древней Руси шла даже дальше удѣльнаго дробленія, была дробнѣе удѣловъ: въ древне-русскихъ агіологическихъ перечняхъ областей, которыя „ублажали“ своихъ мѣстныхъ чудотворцевъ, находимъ мѣстности, которыя никогда не были удѣлами. Очевидно, здѣсь мы встрѣчаемся съ религіозными представленіями общества, довольно отличными отъ тѣхъ, какія преподаются нынѣ, и авторъ, подольше остановившись на объясняемомъ имъ древне-русскомъ представленіи о мѣстно-чтимыхъ святыхъ, коснулся бы исторіи понятія, какое имѣла древняя Русь о Церкви и ея подвижникахъ. Можно пожалѣть, что онъ не сдѣлалъ этого: онъ изобразилъ религіозное воззрѣніе древней Руси въ его проявленіи, но не указалъ его религіознаго происхожденія и состава, и потому его историческое изображеніе кажется какъ будто лишеннымъ богословскаго фона.

Историко-богословскій разборъ древне русскаго воззрѣнія на святыхъ помогъ бы автору лучше выяснитъ „идею“ канонизаціонныхъ соборовъ 1547 и 1549 г. и перемѣну, произведенную вторымъ изъ нихъ въ порядкѣ канонизаціи русскихъ святыхъ. Онъ доказываетъ, что этотъ соборъ уже не раздѣлялъ канонизуемыхъ имъ святыхъ на мѣстныхъ и общихъ, какъ это сдѣлалъ соборъ 1547 г.; въ связи съ этимъ церковное признаніе святаго стало

дѣломъ центрального собора русской церкви, а не епархіальной іерархіи (стр. 159 и 197 ¹⁾). Авторъ основательно объясняетъ эту перемѣну усиленіемъ центральной власти и сознанія національной самобытности русской Церкви, какъ центра православія, рядомъ съ образованіемъ въ XV и XVI в. русскаго государства, получившаго значеніе единственной православной державы (161 — 164). Всѣмъ этимъ, конечно, объясняется церковно-политическое происхожденіе обоихъ канонизаціонныхъ соборовъ; но здѣсь есть предметъ и для богословскихъ соображеній. Излагаемая авторомъ новыя воззрѣнія на русскую церковь, какъ на центръ православія приносили съ собой и новый взглядъ на церковь вообще и, придавая отечественной Церкви такое центральное положеніе въ православномъ мірѣ, русское церковное сознаніе тѣмъ самымъ пріучалось понимать идею Церкви вселенской. Въ постановленіяхъ обоихъ канонизаціонныхъ соборовъ, особенно втораго, практически запечатлѣлся тотъ моментъ въ движеніи русскаго церковнаго сознанія, когда оно выступало изъ тѣсныхъ предѣловъ политическаго дѣленія и помѣстнаго церковнаго обособленія, выходя на болѣе широкій путь, который приводилъ сначала къ чувству церковно-національныхъ связей, а потомъ къ мысли о церковно-каѳолическомъ единствѣ. Превращеніе мѣстно-чтимыхъ отечественныхъ святыхъ во всецерковныхъ, въ достоиніе всей Церкви, сначала хотя бы только русской, было для русской церковной іерархіи требованіемъ этого момента, а для ея паствы общепонятнымъ, нагляднымъ его выраженіемъ. Г. Васильевъ приводитъ въ своей книгѣ отрывокъ изъ житія преподобныхъ бѣлозерскихъ Ѳерапонта и Мартиніана, свидѣтельствующій, что около половины XVI в.

¹⁾ Во введеніи, объясняя различіе канонизаціи мѣстной и всеобщей, авторъ говоритъ, что оно зависитъ ближайшимъ образомъ отъ того, кѣмъ совершается канонизація: если она совершается высшею властью Церкви, то носитъ общій характеръ и святой прославляется во всей Церкви (стр. 10). Мы нѣсколько затрудняемся согласить это опредѣленіе съ рассказомъ автора о ходѣ канонизаціи послѣ Макарьевскихъ соборовъ (1547 и 1549 гг.), гдѣ читаемъ, что нѣкоторымъ святымъ, наприм. авнежскимъ Григорію и Кассіану, Суздальской Евфросиніи, преп. Іосифу Волоцкому, установлено было *мѣстное* празднованіе митрополитомъ съ Освященнымъ соборомъ, т. е. высшею властью русской церкви. Соображенія автора о перемѣнѣ, произведенной соборомъ 1549 г. въ канонизаціи святыхъ, мы поняли въ томъ смыслѣ, что онъ ни одному изъ канонизованныхъ имъ святыхъ не установилъ мѣстнаго празднованія, слѣдовательно всѣмъ установилъ всецерковную память.

эта мысль уже пробивалась въ умахъ грамотныхъ и мыслящихъ русскихъ людей и пробивалась именно при участіи канонизаціи отечественныхъ святыхъ. Въ этомъ отрывкѣ древній писатель съ энергіей возстаетъ противъ тѣхъ, кто сталъ бы утверждать, будто этимъ бѣлозерскимъ угодникамъ, канонизованнымъ, какъ можно думать, на соборѣ 1549 года, установлено только мѣстное празднованіе—въ церкви ихъ обители. Авторъ отрывка признаетъ это несогласнымъ съ Св. Писаніемъ, которое говоритъ: едино стадо и единъ пастырь Христосъ; едина Церковь, продолжаетъ авторъ, едина вѣра; что дано одной Церкви, дано и всѣмъ другимъ. Это въ высшей степени характерное свидѣтельство вызвало со стороны изслѣдователя краткій комментарий буквального смысла его— и только, о чемъ можно пожалѣть: этотъ отрывокъ заслуживалъ большаго вниманія и могъ бы послужить однимъ изъ главныхъ основанийъ для трактата о томъ, въ какой мѣрѣ канонизація русскихъ святыхъ участвовала въ успѣхахъ русскаго пониманія идеи вселенской Церкви.

Отсутствіе указаннаго историко-богословскаго разбора въ книгѣ г. Васильева представляется наиболѣе замѣтнымъ въ ней пробѣломъ. Авторъ взглянулъ на свой предметъ больше съ точки зрѣнія церковной практики, чѣмъ религіозной жизни: онъ изложилъ исторію канонизаціи, какъ церковнаго акта, но едва затронулъ или обошелъ вопросы о томъ, что значилъ для древней Руси отечественный святой, какія религіозныя представленія и чувства соединяла она съ церковнымъ чествованіемъ святаго, какое вліяніе эти чувства и представленія оказывали на его канонизацію и воспринимали отъ нея и т. п.

Но отмѣченные выше качества книги г. Васильева, обнаруженное въ ней близкое знакомство автора съ литературой и источниками предмета, значительность собраннаго имъ фактическаго запаса и критически обработанное его изложеніе даютъ, по нашему мнѣнію, достаточно основанийъ, чтобы признать этотъ трудъ заслуживающимъ искомой авторомъ ученой степени“.

Справка: 1) § 31 положенія объ испытаніяхъ на ученые степени: „сочиненіе, представленное на степень магистра богословія и признанное удовлетворительнымъ должно быть напечатано, но въ Совѣтъ Академіи для разсмотрѣнія оно можетъ быть представлено и до напечатанія въ рукописи четкой и чистой“. 2) По § 32 того-же положенія ищущіе степени магистра богословія обязаны представить ректору по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защище-

нія 50 экземпляровъ напечатанной диссертациі“. 3) Кандидатъ С. С. Глаголевъ представилъ въ Совѣтъ Академіи свое сочиненіе въ рукописи, а кандидатъ В. П. Васильевъ — напечатаннымъ въ узаконенномъ количествѣ экземпляровъ 4) По § 81 лит. а. п. 10 устава духовныхъ академій одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на соисканіе ученыхъ степеней, значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Кандидата Василія Васильева допустить къ защитѣ его диссертациі на степень магистра богословія. 2) Официальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить ординарныхъ профессоровъ Е. Е. Голубинскаго и В. О. Ключевскаго. 3) Представить о. Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ немъ стороннихъ лицъ. 4) Постановленіе сіе благопочтительнѣйшіе представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства. 5) И. д. доцента кандидату С. С. Глаголеву дозволить печатать его магистерское сочиненіе, а сужденіе о коллоквиумѣ имѣть по представленіи имъ о. Ректору Академіи узаконеннаго количества экземпляровъ напечатанной диссертациі.

IV. Донесеніе профессоровъ Академіи: Д. Θ. Голубинскаго, П. И. Казанскаго и Г. А. Татарскаго, ревизовавшихъ приходо-расходныя книги и другіе документы редакціи „Богословскаго Вѣстника“ за 1893 годъ:

„Во исполненіе возложеннаго на насъ Совѣтомъ порученія мы, рассмотрѣвъ и провѣривъ приходо-расходныя книги редакціи „Богословскаго Вѣстника“ за 1893 годъ съ относящимися къ нимъ документами, имѣемъ честь о послѣдствіяхъ своей ревизіи донести Совѣту слѣдующее:

1) Приходо-расходныя кассовыя и вспомогательныя книги редакціи были найдены нами въ порядкѣ и исправности: всѣ листы, шнуры и печати въ цѣлости.

2) Записи въ нихъ прихода и расхода ведены чисто, безъ помарокъ, а гдѣ таковыя встрѣчаются, тамъ онѣ оговорены по надлежащему, страничные итоги и транспорты показаны правильно; веденіе записей производились согласно съ установленными при учрежденіи редакціи „Богословскаго Вѣстника.“ правилами.

3) На всѣ расходы, произведенные редакціею, имѣются надлежащіе счета, росписки и оправдательные документы.

4) Рассмотрѣвъ отчетъ редакціи по изданію „Богословскаго Вѣстника“ члены ревизіонной комиссіи нашли, что онъ состав-

лень правильно и во всемъ согласно съ приходо-расходными книгами и другими документами. Вѣроятно, вслѣдствіе замѣчанія предшествовавшей ревизіонной комиссіи, въ немъ оказалось даже нѣкоторое усовершенствованіе сравнительно съ отчетомъ за 1892 годъ: сумма, полученная отъ подписки на изданіе 1893 года (6116 р. 9 к.), отдѣлена здѣсь отъ суммы, полученной въ томъ-же году отъ подписки на изданіе 1894 года, такъ что теперь дается полная возможность получить ясное понятіе о подписной суммѣ на изданіе того и другаго года.

Въ концѣ отчета, въ видѣ приложений, сообщены свѣдѣнія о суммахъ, израсходованныхъ редакціею на изданіе твореній Свв. Кирилла Иерусалимскаго и Исаака Сиріянина, а также Ежегодника. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что на изданіе а) твореній Св. Кирилла Иерусалимскаго (2400 экз., 20 печ. листовъ) израсходовано 630 р. 81 к. б) твореній Св. Исаака Сиріянина (2400 экз. 27 печ. листовъ) израсходовано 841 р. 32 к. и в) на изданіе Ежегодника (300 экз. $9\frac{9}{16}$ печ. листовъ) израсходовано 300 р. 90 к. “.

Справка: Пункты 6 и 7 правилъ отчетности по изданію „Богословскаго Вѣстника“: По окончаніи года, не позднѣе 1 марта, редакція представляетъ Совѣту Академіи отчетъ по приходу и расходу суммъ за истекшій годъ. Совѣтъ Академіи, по полученіи отчета редакціи, избираетъ комиссію изъ трехъ лицъ для ревизіи приходо-расходныхъ книгъ редакціи.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отзывъ и. д. Инспектора Академіи іеромонаха Сергія о разсмотрѣнномъ имъ отчетѣ о научныхъ занятіяхъ профессорскаго Стипендіата Павла Борисовскаго въ 189 $\frac{2}{3}$ академическомъ году:

„Отчетъ г. Борисовскаго состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ частей, изъ которыхъ въ первой опредѣляется задача современнаго нравственнаго богословія и, съ точки зрѣнія ея, оцѣнивается русская литература по этому предмету, — вторая-же заключаетъ въ себѣ конспектъ будущей магистерской диссертациі автора на тему: „Григорій Богословъ. Характеристика его личности и нравоученія“. Собственно говоря, отзыву подлежитъ только первая часть, въ которой авторъ, все таки, излагаетъ результатъ своихъ работъ, — вторая же говоритъ больше о томъ, что авторъ намѣренъ дѣлать или признаетъ нужнымъ дѣлать для своей диссертациі въ будущемъ.

Первая часть прежде всего производитъ впечатлѣніе нѣкоторой

спѣшности въ работѣ и нѣкоторой неосвоенности автора въ предметъ своихъ разсужденій. Онъ не можетъ схватить своей главной мысли и размѣивается на частности, которыя являются поэтому разрозненными и неожиданными и даже не оцѣниваются въ должной мѣрѣ. Возьмемъ для примѣра критику существующей нравственно-богословской литературы. Прежде всего авторъ хочетъ сказать о какой то недостаточности курсовъ нравственнаго богословія, но въ чемъ эта недостаточность, хорошенько понять нельзя. Нѣсколько неопредѣленныхъ отрицательныхъ замѣчаній, названныхъ разсѣянно одно на другое и не говорящихъ ничего болѣе формальныхъ недочетовъ въ курсахъ (въ нихъ „мало того, что отличалось бы жизненностью и широтою изслѣдованія, не всегда извѣстный вопросъ исчерпывается до конца, иные трактаты представляютъ изъ себя лишь краткую, неразработанную схему;—нѣкоторые вопросы“ и т. д. стр. 12) неожиданно обрываются довольно подробнымъ разсужденіемъ о томъ, что „истина христіанская въ нихъ не выленяется всецѣло“ (авторъ иллюстрируетъ свою мысль нѣсколькими примѣрами невыясненности отношенія временныхъ благъ къ вѣчному призванію человѣка). Очевидно, авторъ натолкнулся на эту мысль случайно (о чемъ говоритъ уже его неопредѣленное выраженіе „по мѣстамъ“), поэтому и не оцѣниваетъ ее въ должной мѣрѣ, не ставитъ ее во главу своихъ критическихъ замѣчаній, какъ бы она заслуживала. Также случайно появляется у автора и вторая его рубрика о томъ, что въ существующихъ системахъ замѣчается весьма ограниченное пользованіе данными внутренняго духовнаго опыта, слабость этического проразумѣнія (стр. 14 — 15). Но что онъ называетъ этимъ „этическимъ проразумѣніемъ“ и въ чемъ видитъ недостатокъ духовности, нашъ авторъ хорошенько не объясняетъ и тутъ же вводитъ замѣчаніе, что „отвѣты на извѣстныя этическія проблемы заимствуются изъ разныхъ научныхъ теорій и принятыхъ моральныхъ воззрѣній“. Авторъ хотѣлъ, слѣд., сказать объ исключительной теоретичности современнаго богословія, которое подчасъ позабываетъ, о чемъ оно разсуждаетъ, увлекаясь исключительно формальной сообразностью своихъ построеній. Эта мысль въ сознаніи автора переплелась съ другой,—что современныя системы не выдерживаютъ строгой христіанской критики, платя дань постороннимъ вѣяніямъ и принятымъ взглядамъ. Третья рубрика, по планамъ автора, должна говорить о томъ, что „въ системахъ христіанскаго нравоученія, нѣтъ надлежащей полноты содержанія,

нѣтъ болѣе или менѣе всесторонняго обслѣдованія этико-христіанской области“. На дѣлѣ-же здѣсь говорится объ отсутствіи научнаго единства въ системахъ, о томъ, что онѣ забываютъ говорить объ „основныхъ принципахъ или, такъ назыв. предположеніяхъ (постулятахъ)“ христіанскаго нравоученія (о личномъ Богѣ, о спасеніи во Христѣ, о назначеніи человѣка и проч.). Другими словами, авторъ опять говоритъ приблизительно о томъ-же, о чемъ пытался сказать въ первой рубрикѣ, т. е. о невыдержанности современныхъ системъ нравственнаго богословія съ христіанской точки зрѣнія. Этотъ основной недостатокъ, если бы онъ былъ вполне усвоенъ и оцѣненъ нашимъ авторомъ, связалъ бы воедино все его критическія замѣчанія и объяснилъ бы ихъ, они потеряли бы характеръ случайности, разрозненности, какимъ теперь отличаются. Общее впечатлѣніе, повторяемъ, невыгодное: спѣшность, спутанность, неосвоенность. Нужно бы посоветовать автору избѣгать и вычурныхъ выраженій, которыя подъ часъ страдаютъ и неопредѣленностію. Напр. „Ставить на карту личные помыслы“, „анатомировать себя самага острымъ скальпелемъ великодушнаго, искренняго, безпристрастнаго этического анализа“, „этическая правоспособность“, „этическая догматика“, „самое широкое богатство этического опыта“ и т. п.

Вторая часть, какъ мы сказали, описываетъ будущую магистерскую диссертацию нашего автора. Прежде всего, онъ даетъ перечень 15-ти монографій, собраній и пр. на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Насколько вся эта литература изучена авторомъ, отчетъ видѣть не даетъ,—кромѣ заглавій нѣтъ ничего. По этой литературѣ г. Борисовскій намѣренъ составить характеристику Св. Григорія. Мы бы ему посоветовали познакомиться съ твореніями Св. Отцевъ близкихъ по времени къ Св. Григорію и родственныхъ по міровоззрѣнію,—въ особенности съ твореніями Свв. Василя Великаго и Григорія Нисскаго, съ которыми Св. Отецъ былъ связанъ болѣе тѣсно, чѣмъ съ другими. Это знакомство придадо бы диссертациі истинно-научный характеръ, чего, конечно, не даетъ ей пользованіе матеріаломъ изъ вторыхъ рукъ.—Далѣе слѣдуетъ описаніе самой диссертациі. Она должна состоять изъ четырехъ частей. Подробно изложена только первая часть: „о предположеніяхъ христіанскаго нравоученія“, по Св. Григорію Богослову. Часть эта свидѣтельствуетъ объ изученіи авторомъ твореній Св. Отца съ достаточнымъ вниманіемъ. Напрасно только взято у Мартенсена пятиричное число „предположеній“ (третье и

пятое удобно могли бы помѣститься въ другихъ). Остальные три части ничего, кромя оглавленія не даютъ, поэтому и сказать о нихъ опредѣленнаго ничего нельзя. Нѣкоторая невыдержанность плана заставляетъ, впрочемъ, и въ диссертациі предпологать ту же спутанность, невыясненность основной идеи, которую (спутанность) мы видѣли въ первой части отчета. Повидимому, авторъ сдается въ пользу существующихъ системъ и, оставивъ основные принципы и существо христіанскаго идеала, пытается регламентировать христіанское поведеніе. Указанные недостатки (конечно существенные) не должны однако закрывать отъ нашихъ глазъ и достоинствъ, какія обнаруживаетъ отчетъ г. Борисовскаго. Изъ отчета мы видимъ, что авторъ его весьма правильно понялъ задачу современнаго нравственнаго богословія. Изучилъ весьма внимательно творенія Св. Григорія Богослова. Познакомился (по крайней мѣрѣ, библиографически) съ литературой предмета. Все это дѣлаетъ надежды на будущую научную дѣятельность г. Борисовскаго болѣе или менѣе основательными“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 іюня 1893 года отчетъ профессорскаго стипендіата Павла Борисовскаго былъ переданъ для разсмотрѣнія Инспектору Академіи Архимандриту Григорію, а послѣ его смерти — и. д. Инспектора іеромонаху Сергію.

Опредѣлили: Отзывъ и. д. Инспектора іеромонаха Сергія напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

VI. Отношеніе правленія Рязанской духовной семинаріи отъ 3 апрѣля за № 287, при коемъ препровождены документы бывшаго преподавателя семинаріи, нынѣ и. д. доцента Академіи В. Н. Мышцына.

Опредѣлили: Документы В. Н. Мышцына хранить при дѣлѣ объ избраніи и утвержденіи его и. д. доцента Академіи, а о полученіи ихъ увѣдомить правленіе Рязанской духовной семинаріи.

VII. Записки: ординарнаго профессора А. П. Лебедева и доцента А. П. Шостына о выпискѣ книгъ, которыя они считаютъ нужнымъ пріобрѣсти для академической библіотеки.

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи Н. А. Колосову выписать для академической библіотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить правленію Академіи.

VIII. Отношеніе Учрежденнаго Собора Троице-Сергіевой Лавры отъ 28 марта за № 320, при коемъ препровождены три рукописи,

необходимыя для научныхъ занятій ординарному профессору Академіи П. И. Цвѣткову.

О предѣлили: Присланныя рукописи передать по принадлежности, а о полученіи ихъ увѣдомить Учрежденный Соборъ Лавры.

IX. Прошеніе присяжнаго повѣреннаго г. Ярославля Евгенія Иваншина:

„По встрѣтившейся надобности, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи выслать мнѣ въ г. Ярославль, какъ повѣренному личнаго почетнаго гражданина Николая Васильевича Казанскаго, для представленія въ Ярославскій Окружный Судъ къ дѣлу о наслѣдствѣ послѣ умершаго Преосвященнаго Амфилохія, Епископа Угличскаго, въ міръ Павла Ивановича Сергіевскаго-Казанскаго, удостовѣреніе или справку о томъ, что, будучи студентомъ Московской Духовной Академіи, онъ, Павелъ Ивановичъ Сергіевскій-Казанскій, 14 ноября 1842 года принялъ монашество и нареченъ былъ Амфилохіемъ.

При семъ прилагаю: 1) доказательство моихъ полномочій копію имѣющейся у меня довѣренности, засвидѣтельствованную Нотариусомъ въ день отсылки настоящаго прошенія, 2) гербовую марку въ 80 коп. и 3) на пересылку четыре почтовыхъ марки по 7 коп.“

О предѣлили: Выслать просителю необходимую справку о покойномъ Преосвященномъ Епископѣ Амфилохіи.

X. Занимались составленіемъ росписанія испытаній студентовъ Академіи въ текущемъ 18⁹³/₉₄ учебномъ году.

Справка: 1) §§ 130 и 131 устава духовныхъ академій: „Въ концѣ каждаго учебнаго года производятся испытанія студентовъ въ знаніи преподаваемыхъ имъ наукъ. Испытанія производятся посредствомъ комиссій, особо назначаемыхъ для сего Совѣтомъ изъ преподавателей Академіи“. 2) По § 81 лит. б. п. 2 того же устава назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи значителен въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

О предѣлили: Росписаніе испытаній студентовъ Академіи благопочтительнѣйше представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Апр. 12. Утверждается“.

12 мая 1894 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: Н. И. Субботина, Е. Е. Голубинскаго и В. О. Ключевскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни.

Въ собраніи семъ и. д. доцента Московской Духовной Академіи кандидатъ богословія В. Н. Мышцынъ защищаль представленную имъ на степень магистра богословія диссертацию подъ заглавіемъ: „Ученіе Св. Апостола Павла о законѣ дѣль и законѣ вѣры“. Сергіевъ Посадъ. 1894 г. Оппонентами были: ординарный профессоръ по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завета М. Д. Муретовъ и экстра-ординарный профессоръ по кафедрѣ греческаго языка и его словесности И. Н. Корсунскій.

По окончаніи диспута Ректоръ Академіи Архимандритъ Антоній, собравъ голоса членовъ Совѣта, объявилъ, что Совѣтъ призналъ защиту магистрантомъ его диссертации удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій кандидаты удостоиваются степени магистра не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительному защищенію его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ постороннихъ лицъ (коллективумъ). 2) По § 81 лит. в. п. 6 того же устава удостоеніе степени магистра богословія значится между дѣлами Совѣта Академіи, представляемыми чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Благопочтительнѣйше просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи и. д. доцента Академіи кандидата богословія В. Н. Мышцына въ степени магистра богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертации кандидата В. Н. Мышцына и копій съ отзывовъ о ней ординарнаго профессора М. Д. Муретова и экстра-ординарнаго профессора И. Н. Корсунскаго.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Мая 17. Съ первымъ пунктомъ согласенъ; второй къ исполненію“.

19 мая 1894 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Архимандрита Антонія, и. д. Инспектора іеромонахъ Сергій и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: Н. И. Субботина,

Е. Е. Голубинскаго, В. О. Ключевскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни и Г. А. Воскресенскаго, не присутствовавшаго по домашнимъ обстоятельствамъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „Апр. 19 къ руководству и исполненію“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 апрѣля сего года за № 1678:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Вашего Преосвященства отъ 8 минувшаго марта за № 156, въ коемъ ходатайствуете объ утвержденіи проэкта положенія о преміи Преосвященнаго Дмитрія, Епископа Подольскаго, учреждаемой при Московской Духовной Академіи на проценты съ пожертвованнаго симъ Преосвященнымъ капитала въ 1000 руб. Приказали: Разсмотрѣвъ проэктъ положенія о преміи Преосвященнаго Дмитрія, Епископа Подольскаго, учреждаемой при Московской духовной академіи на проценты съ пожертвованнаго симъ Преосвященнымъ капитала въ тысячу руб., и находя его цѣли соответствующимъ, Святѣйшій Синодъ, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, опредѣляетъ: Проэктъ положенія объ означенной преміи утвердить; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ, съ приложеніемъ копии съ положенія для руководства, въ потребныхъ случаяхъ, академическому совѣту“.

б) Копію съ положенія о преміи Преосвященнаго Дмитрія, епископа Подольскаго, при Московской духовной академіи.

§ 1.

При Московской духовной академіи учреждается премія имени Преосвященнаго Дмитрія, Епископа Подольскаго, въ количествѣ 76 руб. изъ процентовъ за два года съ капитала, поступившаго отъ Преосвященнаго Дмитрія и заключающагося въ одномъ 4% билетѣ четвертаго внутренняго займа въ тысячу рублей за № 866. 781—90.

§ 2.

Премія выдается черезъ два года, по усмотрѣнію Совѣта Академіи одному изъ студентовъ за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Божѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви.

§ 3.

Въ случаѣ не присужденія преміи въ очередномъ году, она при-